

К 110-летию экономического образования
в Восточной Сибири

А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский

«ХРАМ НАУКИ»
или «ФАБРИКА КАДРОВ»:
к историческим
предпосылкам дискуссии
об опорном университете
Байкальского региона

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет

А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский

**«ХРАМ НАУКИ»
ИЛИ «ФАБРИКА КАДРОВ»:
К ИСТОРИЧЕСКИМ ПРЕДПОСЫЛКАМ
ДИСКУССИИ
ОБ ОПОРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Иркутск
Издательство БГУ
2017

УДК 378.4(571.53)(09)

ББК 74.483(253.5)

С91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Суходолов А.П.

С91

«Храм науки» или «фабрика кадров»: к историческим предпосылкам дискуссии об опорном университете Байкальского региона / **А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский.** — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — 92 с. : ил.

ISBN 978-5-7253-2955-1

Высшая школа региона подошла к порогу качественных изменений и рассматривает возможные траектории своего дальнейшего развития. Один из путей продемонстрировал свою бесперспективность с точки зрения достижения целей модернизации общества уже столетие назад. Другой путь, ставший результатом «прагматического поворота» в развитии высшего образования и приведший к формированию системы практико-ориентированных опорных высших учебных заведений, обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие страны и регионов. Во всемерной поддержке некогда избранного «прагматического» вектора развития высшей школы России, в создании подлинно опорных для регионов университетов авторам видится истинная цель реформирования высшей школы.

Для широкого круга читателей.

УДК 378.4(571.53)(09)

ББК 74.483(253.5)

ISBN 978-5-7253-2955-1

© Суходолов А.П.,
Майдачевский Д.Я., 2017
© Издательство БГУ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1. «Прагматический поворот» траектории развития высшей школы: уроки истории.....	6
2. Высшая школа региона: «храм науки» против «фабрик кадров» (1920–1930-е годы).....	20
3. Экономическое образование России и региона: ответ на модернизационные вызовы середины XX века.....	57
Заключение.....	81
Список использованной литературы.....	82

Данная работа готовилась в виде серии статей, посвященных 110-летию экономического образования в Восточной Сибири. Однако их написание совпало с острой полемикой, развернувшейся в последние два года в связи с объявленным Минобрнауки России в 2015 г. конкурсом на формирование опорных университетов в регионах, точнее, в субъектах Российской Федерации. Было проведено два тура конкурса, в которых Байкальский госуниверситет не участвовал по принципиальным соображениям.

В первом туре — по причине того, что Иркутский госуниверситет ответил отказом на наше предложение войти в состав Байкальского университета. Во втором туре — потому, что статус БГУ, который изначально и на протяжении всей последующей своей истории формировался как опорный вуз целого макрорегиона (сначала Восточной Сибири и Дальнего Востока, а затем Байкальского региона), по условиям второго тура формально понижался до уровня опорного вуза отдельно взятого субъекта Федерации. ИГУ, участвовавший в конкурсе, проиграл его. Главной причиной своего поражения в Иркутском университете называют недостаточную поддержку со стороны региональной власти. Это обвинение несправедливо, ибо и Губернатор, и Законодательное собрание Иркутской области официально заявляли о такой поддержке. Надо отдать должное взвешенной позиции губернатора С.Г. Левченко, считающего, что у Байкаль-

ского университета де-факто есть все основания претендовать на роль опорного.

Работая над материалом, мы увидели, что тема опорности/неопорности вуза имеет исторические предпосылки, возникшие в момент зарождения конкурирующих университетов. Именно этим обстоятельством вызвана расстановка акцентов на истинных мотивах (тщательно маскируемых) претензии Иркутского университета считать себя единственным «храмом науки» среди «фабрик кадров», готовящих бухгалтеров, инженеров, землеустроителей и едва ли не парикмахеров, как сказал один из острословов в социальных сетях.

Вместе с тем такая фабрика кадров, как Байкальский госуниверситет, на глазах превращается в современную высокотехнологичную научно-образовательную корпорацию, занимающуюся цифровой экономикой, теорией СМИ как динамической системы, информационной безопасностью, вопросами сохранения биоразнообразия лесных экосистем, социологическими исследованиями и многим-многом другим, охватывая своей деятельностью весь Байкальский регион, включающий в себя три субъекта Российской Федерации (Иркутскую область, Республику Бурятия, Забайкальский край) и Монголию.

Байкальский государственный университет был и остается опорным для Байкальского региона. И всякие попытки умалить его роль, а тем более ликвидировать, подобно Иркутскому педагогическому и Иркутскому лингвистическому университетам, нанесут непоправимый ущерб всему макрорегиону.

1. «ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: УРОКИ ИСТОРИИ

Как и сто лет назад, иркутян волнует «университетский вопрос». Однако если в начале XX столетия волнения эти были радостными, связанными с царившим тогда ажиотажем вокруг предполагаемого открытия в городе «второго сибирского университета», то в наши дни они скорее безрадостные, так как обусловлены начатым государством процессом реструктуризации и оптимизации сложившейся в нем за век минувший системы высших учебных заведений. Рискнем утверждать, что «университетский вопрос» тогда и сейчас имеет точки соприкосновения, обнаруживаемые лишь потому, что история высшей школы региона (и страны в целом) рисуется ее авторами как непрерывный и идущий по неизменно восходящей траектории процесс. Между тем траектория эта полна разрывов, либо замалчиваемых, либо преодолеваемых историками с помощью риторических приемов или предельно «обтекаемых» формулировок. Встречаются на ее пути и «повороты», одному из которых, именуемому нами «прагматическим», и посвящено настоящее исследование.

Оставляя читателю возможность самому проводить напрашивающиеся аналогии между рассматриваемыми в работе волнами модернизации России, обратимся к той из них, что пришлась на рубеж XIX–XX вв. и затронула не одну только (как это принято толковать в современных учебниках истории) экономику: перестройка последней незамедлительно столкнулась со множеством преград, и интересующая нас — касающаяся сферы образования —

лишь одна из их числа. Ее точная и емкая характеристика — «смесь из дисциплинарной строгости и социальных ограничений» в образовательных учреждениях — охватывает как интеллектуальную, так и социальную сторону проблемы. За нейтрализацию этой гремучей смеси и подчинение образовательной политики в стране потребностям модернизации и конкретно индустриализации взялся человек от образования, на первый взгляд, далекий — министр финансов Сергей Юльевич Витте.

Многочисленные и содержательные публикации последних лет [4–7; 42; 62] не просто достаточно подробно реконструировали историю собственно коммерческого образования в России, они со всей очевидностью обозначили точку поворота и вектор перемен, в которых нуждалось образование в целом. По инициативе С.Ю. Витте в 1894 г. коммерческие училища были выведены из-под контроля Министерства народного просвещения, излишне регламентировавшего деятельность подведомственных ему учреждений, и переданы в ведение Министерства финансов (с 1906 г. — Министерства торговли и промышленности). Возглавляемое С.Ю. Витте министерство, покровительствуя коммерческим училищам и заботясь об их материальном обеспечении, дало импульс к их быстрому количественному и качественному росту. Положение о коммерческих учебных заведениях 1896 г. фактически востребовало потенциал негосударственного образования, активизировало общественную инициативу в данном направлении: создание, организация учебных заведений, управление их финансовыми средствами стали делом органов местного самоуправления, предпринимательских союзов и частных лиц. Коммерческие училища не только в денежном или оперативно-хозяйственном отношении, но и с точки зрения содержания образовательных программ

оказывались менее зависимыми от власти. Реализуя идею разнообразия коммерческих училищ, данное положение шло навстречу «заказчику» специалистов — местному предпринимательскому сообществу, а стало быть, местным торговым и промышленным потребностям. Открывая же училища для всех сословий, оно делало уверенный шаг вперед в деле преодоления ограничительного и избирательного принципа организации образования, формирования среднего класса, связанного с местной торговлей, промышленностью, финансово-кредитной сферой.

Реформа выстраивала стройную систему коммерческого образования, которая поначалу включала в себя три основных типа учебных заведений — коммерческие курсы, торговые школы и классы, а также средние коммерческие училища. В 1912 г. система коммерческого образования пополнилась высшими учебными заведениями — вступил в силу Закон о высшем коммерческом образовании, хотя на практике процесс их создания начался шестью годами ранее¹. В этой связи С.Ю. Витте отмечал: «Развив сеть коммерческого образования в России, у меня явилась мысль устроить высшие заведения — коммерческие и технические университеты в России — в форме политехнических институтов, которые содержали бы в себе различные отделения человеческих знаний, но имели бы организацию не технических школ, а университетов» [13, с. 255]. Высшая коммерческая школа мыслилась реформатором как усиливающая прикладной компонент в высшем образовании, объединяющая теоретическую подготовку из высшего (университетского) образования и практико-ориентиро-

¹ Начало этому процессу было положено последовавшим на исходе 1905 г. высочайшим дозволением открывать частные высшие курсы — негосударственные высшие учебные заведения.

ванную — из среднего специального, или, как сказали бы в наши дни, своеобразный «прикладной бакалавриат».

«Прагматический поворот» в развитии высшей школы, по словам Митрофана Викторовича Довнар-Запольского, директора одного из крупнейших коммерческих вузов страны — Киевского коммерческого института, вел к возникновению «нового типа высшего образования», отличного как от высшего университетского, так и от среднего специального. Применительно к возглавляемому им учебному заведению это означало комбинирование трех видов знаний (наук): экономических и юридических — преимущественно теоретических, а также коммерческо-технических как главным образом навыков прикладного характера. Овладение последними способно было, по его мнению, заменить — как это позволяют сделать сегодня образовательные технологии школ бизнеса — долгие годы накопления опыта. «Изучив коммерческо-технические науки, коммерсант войдет в банк, страховую или торговую контору, в магазин или товарный склад с такой подготовкой, которая заменит ему необходимость предварительной долгой работы за конторкой...» [27, с. 30–31]. Не случайно поэтому именно коммерческие вузы выступили пионерами в части организации учебного процесса и учебных планов специальностей.

От обозначенных процессов модернизации образования не осталась в стороне и Сибирь. Первое за Уралом коммерческое училище открылось в 1901 г. в Томске. Устав Иркутского городского коммерческого училища по подготовке специалистов средней квалификации для торговли и промышленности был утвержден министром торговли и промышленности 9 августа 1907 г., и эту дату можно считать днем рождения экономического образования в гу-

бернии, а с 1 сентября 1908 г. образовательное учреждение, осуществив набор учащихся, приступило к работе². В пределах утвержденного устава училище пользовалось правом на автономию и внутреннее самоуправление. Здесь действовал педагогический комитет, решавший вопросы организации образовательного процесса. Контроль над администрацией учебного заведения осуществлял попечительский совет. Обучение в коммерческом училище было достаточно дорогим по сравнению с обучением в других учебных заведениях города, впрочем, высокими были и расходы на содержание одного учащегося. Финансировалось училище городским обществом, а также за счет единовременных взносов, пожертвований и платы за обучение. Положение о коммерческих учебных заведениях определяло статус коммерческих училищ как общеобразовательных, дававших учащимся общее (в объеме курса реального училища) и специальное образование. Учебный план училища поэтому, помимо изучения фундаментальных общеобразовательных дисциплин, предусматривал освоение и специальных: коммерческой арифметики, бухгалтерии (теоретической и практической), химии, товароведения с технологией, коммерческой географии, истории торговли, политической экономии, законоведения и статистики [22].

Начавшееся с создания средних специальных учебных заведений (училищ) построение системы коммерческого образования в Сибири на этом не остановилось. Первый коммерческий институт (в составе двух отделений — экономического и коммерческо-технического) был открыт весной 1917 г. в Омске. Это было частное высшее учебное заведение, содержавшееся главным образом коопера-

² Одновременно с городским коммерческим училищем в Иркутске открылось и второе (частное) коммерческое училище, которое, однако, прекратило существование уже в 1912 г.

тивными объединениями. Однако, невзирая на большой к нему интерес, институт фактически на следующий год прекратил свое существование, будучи сначала переименованным в политехнический, а затем объединенным с сельскохозяйственным. Иная судьба была уготована коммерческому училищу, да и всей системе коммерческого образования в Иркутске. Если в 1917 г. последняя включила в себя еще и начавшие работу при училище торговые классы Иркутского биржевого общества, то в 1920 г., с установлением советской власти, она прекратила свое существование: все коммерческие училища и торговые школы были национализированы и преобразованы в единую школу, став 3-й советской школой 2-й ступени. Однако уже в следующем, 1921 году его — коммерческое училище — ждала куда более существенная метаморфоза: на его основе начал прием учащихся Иркутский практический промышленно-экономический институт [22, с. 45].

На начальном этапе существования это по сути был все еще «техникум», хотя по своему статусу, как «практический институт», он входил уже в систему высшего образования, выпуская кадры для практической работы в народном хозяйстве. Именно Иркутский практический промышленно-экономический институт (техникум), просуществовавший вплоть до 1924 г., когда был включен в качестве отделения в состав факультета права и местного хозяйства Иркутского университета, стал связующим звеном (в передаче учебно-методических и научных традиций) между дореволюционной системой коммерческого образования и учреждениями среднего специального и высшего экономического образования советского периода. (Московский промышленно-экономический институт, например, будучи преемником одновременно Александровского (Московского биржевого общества), Николаев-

ского женского коммерческих училищ и Торговой школы им. императора Николая II, стал предшественником современных Финансового университета при Правительстве РФ и Государственного университета управления.) Развертывание промышленно-экономического института как полноценного вуза становилось естественным завершением не только инициированных С.Ю. Витте процессов формирования системы коммерческого/экономического образования, но и «прагматического поворота» траектории развития высшей школы в целом.

Обозначив направленность «прагматического поворота», имеет смысл вернуться к той точке на траектории, когда со всей определенностью проявили себя позиции сторонников традиционного, «чисто научного», и «нового типа высшего образования» — практико-ориентированного. Не ошибемся, если применительно к Иркутску изберем в качестве таковой годы, непосредственно предшествовавшие открытию в городе государственного университета. Провинциальная историография привычно концентрирует внимание на том, «почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири» [38], совершенно игнорируя тот факт, что местное сообщество тех лет обсуждало вопрос не только о том, «где», но и о том, «каким» быть учебному заведению. Исторической справедливости ради заметим, что обсуждение это было спровоцировано еще в 1912 г. намерением Главного управления землеустройства и земледелия открыть в Сибири «высший сельскохозяйственный институт»³. В конкурсе на одно «вакантное

³ 1912 год примечателен еще и созданием иркутским культурно-просветительным обществом комиссии по вопросу об открытии университета в Иркутске, которая ходатайствовала об этом перед Министерством народного просвещения. Комиссия инициировала сбор средств на эти цели и даже приступила к формированию будущей университетской библиотеки.

Инициатор развития
коммерческого образования
в России и Сибири
Сергей Юльевич Витте

Директор первого
Иркутского коммерческого училища
Илья Михайлович Камов,
отец будущего
выдающегося авиаконструктора
Николая Ильича Камова

Коммерческое училище въ Иркутскѣ. Иркутское купеческое общество постановило просить иркутскую городскую думу о возбужденіи ходатайства объ открытіи въ Иркутскѣ коммерческаго училища, причемъ иркутское купечество обязуется обложить въ пользу училища промысловыя свидѣтельства 1-го разряда особымъ налогомъ въ 50 р. 2-го—въ размѣрѣ 20 р.

Сибирская жизнь. 1903. 1 окт.

Къ открытію коммерческаго училища. На засѣданіи иркутской городской думы 23 августа городской голова между проч., сообщи́лъ, что по полученнымъ имъ отъ мѣстнаго учебнаго начальства свѣдѣніямъ, уставъ предполагаемый къ открытію въ Иркутскѣ коммерческаго училища, министромъ торговли и промышленности утвержденъ. Въсѣмъ эта была встрѣчена присутствующими на засѣданіи думы съ живѣйшею радостью.

Сибирь. 1907. 25 авг.

На подлинномъ написано: „Утверждаю августа 9 дня 1907 года. За Министра Торговли и Промышленности, Товарищъ Министра М. Остроградскій.“

Вѣрно: За управляющаго учебнымъ отдѣломъ В. Галецкій.

У С Т А В Ъ

Иркутскаго Коммерческаго училища.

1. Общія положенія.

1. Иркутское коммерческое училище принадлежитъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній и имѣеть цѣлью дать учащимся общее и коммерческое образованіе.

(Ст. 46 и 48 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 15 апрѣля 1896 года Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ).

2. Училище состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности, по Учебному Отдѣлу.

Фрагмент Устава Иркутскаго коммерческаго училища

Сибирь. 1908. 9 авг.

Сибирь. 1908. 2 авг.

Панорама Иркутска с левого берега Ангары, 1894 г.

В конце XIX — начале XX веков в Иркутской губернии активно развивалась банковская и коммерческая деятельность, снимок 1907 г.

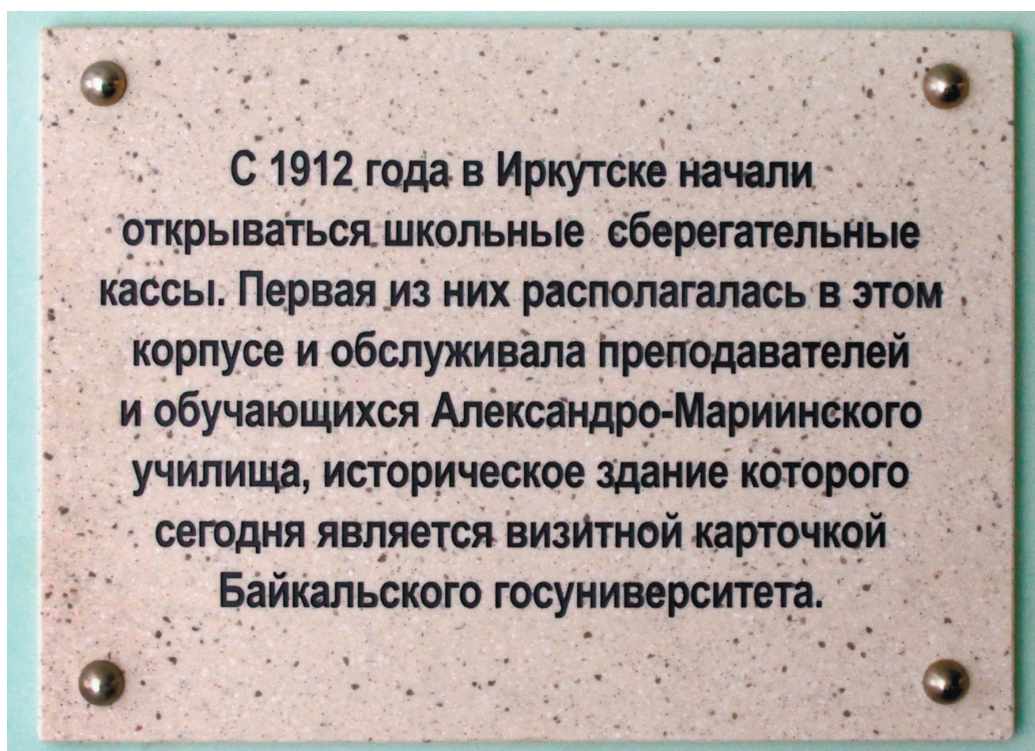
Чайный магазин в Иркутске, 1901 г.

**Русско-Азиатский банк финансировал строительство
Китайско-Восточной железной дороги, 1910 г.**

**Александро-Мариинское училище —
колыбель Байкальского государственного университета.
Снимок конца XIX века**

**С 1912 года в Иркутске начали
открываться школьные сберегательные
кассы. Первая из них располагалась в этом
корпусе и обслуживала преподавателей
и обучающихся Александро-Мариинского
училища, историческое здание которого
сегодня является визитной карточкой
Байкальского госуниверситета.**

**Эта мемориальная доска размещена на втором этаже
Байкальского госуниверситета по инициативе Сбербанка
в ознаменование открытия в Восточной Сибири в 1912 г.
первой школьной сберегательной кассы**

Университетъ или политехникумъ?

Насъ интересуетъ другой вопросъ. Почему у насъ, на Восточной Окраинѣ, будетъ именно университетъ, а не политехникумъ? Неужели мы имѣемъ дѣло только съ пассивнымъ подчиненіемъ правительственной программѣ—что жъ, молъ, подѣлаешь, когда нужно Политехникумъ, а дають университетъ? Неужели это только потому, что за дѣло просвѣщенія Сибири взялся графъ Игнатъевъ, хотя и съ добрыми намерѣніями, но недостаточно освѣдомленный объ истинныхъ нуждахъ Сибири, а не министры финансовъ, путей или торговли и промышленности, въ распоряженіи которыхъ находятся кредиты на спеціальныя учебныя заведенія?

Фрагмент статьи Ив. Карамазова
«Университет или политехникум?»
(Деловая Сибирь. 1916. 19 сент.)

Паром-ледокол «Байкал», 1901 г.

Посадка в порту Байкал на паром, 1901 г.

Строительство Кругобайкальской железной дороги, 1903 г.

Тоннель на Кругобайкальской железной дороге, 1903 г.

Къ открытію университета въ г. Иркутскѣ.

Директоръ коммерческаго
училища И. М. Камовъ.

— Хорошо, конечно, если Иркутскъ
получитъ университетъ, но мнѣ кажется,
что край больше нуждается въ
специалистахъ, чѣмъ въ людяхъ чи-
стой науки. Но мѣшаетъ, если Восточ-
ная Сибирь обогатится людьми, по-
лучившими университетское образова-
ніе, но нужна въ людяхъ обладающихъ
принадлежными знаниями, практическая
идея. У насъ неисчислимыя горня и
лесная богатства, и Иркутску следо-
вало бы использовать общее настро-
еніе и хлопотать охъ открытіи у насъ
горно-лесного института. Можетъ быть
въ данномъ случаѣ охъ съ такою
точкой зрѣнія, какъ руководитель спе-
ціального среднего учебнаго заведенія,
но мнѣ кажется что, съ расширеніемъ
того-жъ университета, Сибирь была-
бы въ достаточной мѣрѣ обеспечена
людьми съ университетскимъ образо-
ваніемъ. Медицинскій факультетъ, ко-
нечно, намъ нуженъ и это будетъ от-
вѣчать интересамъ края.

Фрагмент интервью директора коммерческаго училища
И.М. Камова «К открытию университета в г. Иркутске»
(Иркутская жизнь. 1916. 24 июня)

место» (занятое впоследствии Омском, где и был в 1918 г. открыт институт) принял участие и Иркутск, что актуализировало вопрос о том, «какого типа наиболее желательно здесь высшее учебное заведение» [84, с. 239].

Примечательно, что позиция сторонников «чисто научного» высшего образования, скорее воспроизводящего элиты общества (чиновничество, представителей судейского и адвокатского корпуса, врачей, преподавателей гимназий и школ), нежели удовлетворяющего практические запросы общественного развития, уже тогда начнет подвергаться эрозии, будет сопровождаться оговорками, возникающими под очевидным влиянием вызова со стороны «нового типа высшего образования» — специальной, в том числе и экономической, школы, чутко реагирующей на потребности промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансово-кредитной сферы и т. д. В своем докладе «Университет в Иркутске», прочитанном 27 октября 1912 г. на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, опубликованном, однако, только в книжке Известий ВСОИРГО 1915 г., правитель дел последнего Ф.Г. Ширяев, хотя и рассматривает будущий университет как «стационарное» научное учреждение, приходящее на смену «случайным и редким ученым экспедициям», создаваемое с целью «всестороннего исследования края в отношениях физическом, экономическом и культурном», вынужден признать за ним роль «проводника необходимых прикладных знаний». И все же университет должен оставаться университетом, лишь приспособляющимся к местным условиям, «запечатлевающим свою деятельность желанием, наравне с различными научными исследованиями и работами, помочь, насколько возможно, нуждам сибирской промышленности и народного хозяйства» [там же, с. 263–265].

Реформы, предпринятые занявшим в 1915 г. пост министра просвещения П.Н. Игнатьевым, переведшие вопрос о «втором университете в Сибири» в практическую плоскость и вызвавшие выплеснувшуюся на страницы местной печати волну небывалого энтузиазма «традиционалистов», чья заветная мечта о превращении Иркутска в «сибирские Афины» должна была со дня на день стать явью, обнаружили у «университетского вопроса» новые грани, заставили оппонентов искать и приводить новые аргументы. Тогда как первые апеллировали к прошлому, к выстраданному поколениями иркутской интеллигенции праву быть не только культурной, но и университетской столицей Сибири (если не всей, то хотя бы Восточной), вторые смотрели — и отнюдь не через розовые очки — на настоящее и — со сдержанным оптимизмом — в будущее. Если одни считали деньги, которые город, его торгово-промышленная элита, может заплатить за право именоваться столичным/университетским, и вели учет выпускников средних учебных заведений, способных заполнить аудитории будущего университета, то другие по пальцам пересчитывали скудный контингент преподавателей, готовых в эти аудитории прийти и оправдать высокий университетский статус учебного заведения, тем более что перед глазами был опыт «первого сибирского университета», долгие годы с момента открытия в 1888 г. функционировавшего по этой причине в составе единственного — медицинско-го — факультета, а к моменту описываемых событий — добавившегося к последнему (в 1898 г.) юридического.

«Прагматики», если воспользоваться экономической терминологией, смотрели на «университетский вопрос» с позиции спроса, и не только и не столько его объема, сколько структуры, способности вуза стать если не в ближайшие годы, то в недалеком будущем *опорой* долго-

срочного экономического развития региона. Достаточно жестко, зато предельно точно эту позицию сформулировал издатель и редактор красноярского общественно-политического журнала «Сибирские записки» Владимир Михайлович Крутовский в увидевшей свет на исходе 1916 г. статье «Вопрос об университете». Жизнь Сибири, полагал публицист, ушла далеко вперед от той эпохи, когда ее немногочисленные образованные или тянувшиеся к образованию жители впервые выдвинули идею обзавестись собственным «рассадником просвещения». «Она выросла из своих старых рамок. Впереди стоит период широкого промышленного развития — эксплуатация ее рудных богатств, лесных богатств, различных ископаемых залежей...» [12, с. 115]. Для широкого развития этой промышленности нужны специалисты и необходимо, чтобы все это большое дело взяли в свои руки люди знания. А потому следует покинуть проложенную колею, внося изменения в прежнюю траекторию развития высшей школы региона: «Оставлять же старый университет в его настоящем виде или открывать новый по типу захудалого храма науки, дескать, для отдаленной провинции и такого достаточно, и нерационально, и для Сибири будет обидно» [там же, с. 119].

Свою лепту в развернувшуюся полемику не могли не внести представители коммерческой школы Иркутска и близкие к ним круги. В самый разгар дискуссии на страницах «Иркутской жизни» появляется статья «Коммерческое образование в России», автор которой ратует за самое широкое развитие всех видов профессионального образования, включая коммерческое/экономическое. Он приветствует усилия, предпринимаемые в этом отношении правительством, откликающимся на «нужды общества» открытием учебных заведений, дающих не одно

только общее, но и специальное образование и «выпускающих коммерческих деятелей, вооруженных к предстоящей им практике и некоторой научной подготовкой, у которых практика будет только завершать теорию в гармоничном взаимном сочетании» [2]. Эту мысль применительно к «университетскому вопросу» конкретизировал на страницах той же газеты директор Иркутского коммерческого училища Илья Михайлович Камов (отец советского авиаконструктора Н.И. Камова): «Хорошо, конечно, если Иркутск получит университет, но мне кажется, что край больше нуждается в специалистах, чем в людях чистой науки. Не мешает, если Восточная Сибирь обогатится людьми, получившими университетское образование, но нужда в людях, обладающих прикладными знаниями, прямо вопиющая» [40]. Любопытно, что свое лыко в строку аргументов приверженцев «прагматизации» высшей школы впледел и простой рабочий, в заметке «Голос рабочего об иркутском университете» без обиняков заявивший: «Сибирские рабочие очень заинтересованы вопросом о развитии местной промышленности, так как это обстоятельство должно отразиться на их экономической жизни. А желание иметь “доморощенных” руководителей при разработке наших богатств является нашей насущной потребностью» [9].

Сила инерции, или зависимость от предшествующего пути (траектории) развития, оказалась, однако, неодолимой, и самый восточный в стране «захудалый храм науки» был создан. Можно согласиться с мнением современного историка науки и образования В.Н. Казарина о том, что открытие в Иркутске университета стало результатом не только (и, добавим, не столько) сложившихся объективных предпосылок в виде достижения губернским центром определенного уровня развития образования или субъек-

тивных — в виде «воли передовой общественности города», но и «некоторого авантюризма в хорошем смысле слова» — качества, которое «“обостряется” именно в переломные периоды, изломы истории. А 1917-й и последующие годы российской истории и стали таковыми» [38, с. 61]. Впрочем, авантюризма «в хорошем смысле слова» хватило ненадолго. История местной науки и образования и поныне смакует факты приезда для работы во вновь открытом университете ряда видных ученых и преподавателей из европейской части страны, но некоторые из тех, кто приехал, двинулись дальше на восток — в изгнание [48], другие вернулись в учебные заведения, которые были вынуждены покинуть, подхваченные вихрем революции и гражданской войны.

«Классического» университета как универсального высшего учебного заведения, состоящего из юридического, историко-филологического, физико-математического и медицинского факультетов⁴, не получалось. И тогда в дело был пущен административный ресурс (назовем это авантюризмом «в плохом смысле слова», направленным на «собрание» факультетов из существующих в городе учебных заведений, — вспомним судьбу Иркутского практического промышленно-экономического института или Восточно-Сибирского института народного

⁴ Так и только так следует, на наш взгляд, рассматривать понятие «классический университет». Приватизированное несколькими десятками современных вузов, создавших уже в постсоветскую эпоху Ассоциацию классических университетов России, понятие это — и здесь мы солидарны с точкой зрения А.Н. Дмитриева — стало обозначать «заповедную зону» на российском образовательном пространстве, превратилось в механизм «распределения власти и ресурсов на внесударственном уровне», в способ защиты привилегий вошедших в эту общественную организацию вузов по праву их советского прошлого [25, с. 55–57].

просвещения), запустивший процесс концентрации и централизации высшего образования, нисколько не сообразующийся с существованием различных траекторий в его развитии. Процесс, дискредитирующий идею университета путем превращения его в «хаотический конгломерат различных факультетов и отделений». Именно так суммирует высказывания в периодической печати и нормативные документы той эпохи крупный отечественный историк образования А.Н. Дмитриев [25, с. 48]. Различие целевых установок, реализуемых университетом и «практическими» учебными заведениями, было принесено в жертву режиму экономии государственных средств (извечная проблема отечественного образования!), тем более что о привлечении на его нужды иных, нежели бюджетные, средств речи быть уже не могло.

Вновь выйти на столь опрометчиво покинутую «прагматическую» ветвь траектории развития высшего образования заставила новая волна модернизации, нередко именуемая «сталинской» индустриализацией. Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 г. фактически ликвидировало университеты в стране. Его «жертвой» стал и Иркутский государственный университет, хотя историография вуза старается обходить стороной этот факт его «биографии», предпочитая вести речь о не замедлившем последовать возрождении его «в новом качестве» [24, с. 69]. Это в детском стишке-загадке, когда «А» упало, а «Б» пропало, в живых остается соединительный союз «И». Ничего связывающего «новый», получивший название «Восточно-Сибирский» и открывшийся в составе химического, почвенно-географического и физического отделений университет со «старым», «классическим» в

принятом значении этого слова, не осталось. Факультетам Иргосуна вернули статус самостоятельных «практических» высших учебных заведений — Сибирского института советского права, Иркутского педагогического института, Иркутского медицинского института, Сибирского финансово-экономического института и др., ставших в скором времени опорой социально-экономического развития региона.

История имеет привычку наказывать тех, кто не извлекает из нее уроков. Двинется ли вновь, повторяя ошибки прошлого, высшая школа наших дней по пути дальнейшего развития «захудалых храмов науки» в провинции в виде «хаотического конгломерата различных факультетов и отделений» или выберет путь создания и поддержки практико-ориентированных опорных университетов в регионах — в этом состоит насущный вопрос современной модернизации страны.

2. ВЫСШАЯ ШКОЛА РЕГИОНА: «ХРАМ НАУКИ» ПРОТИВ «ФАБРИК КАДРОВ» (1920–1930-е годы)

Для Байкальского государственного университета 2017 год стал юбилейным: исполнилось 110 лет экономическому образованию в Восточной Сибири, славным продолжателем традиций и признанным лидером которого вуз является в наши дни.

Но какими бы мероприятиями ни был отмечен этот год, без обращения к прошлому не обойтись. И не ради создания той «глянцевой» или «парадной» истории, которую рождает очередной вузовский юбилей, а для того, чтобы нащупать ее пульс, создать максимально близкую минувшей реальности реконструкцию.

С этой целью «сермяжная» история рассматривает события, происходившие на образовательном пространстве региона, не иначе как помещая их в интеллектуальный и социальный контексты эпохи, в том числе и местный, локальный. В этом смысле мы продолжим обсуждение проблем, начатое в предыдущем разделе, в котором была предпринята попытка показать тесную взаимосвязь, существующую между развитием общества и состоянием высшей школы, акцентируя внимание читателей на крутых «поворотах» траектории движения, неизбежных в том случае, если сложившаяся система образования становится преградой на пути социально-экономических преобразований.

Так было, например, на рубеже XIX–XX вв., когда подчинение образовательной политики потребностям модер-

низации (индустриализации) страны заставило усилить прикладной компонент в высшем образовании, породив его новый тип, олицетворением которого стали высшие коммерческая и политехническая школы.

«Прагматический поворот», как мы его называем, на местном уровне вызвал к жизни полемику о наиболее желательном для региона типе высшего учебного заведения — «чисто научном» (университет) или «новом» (сельскохозяйственный, политехнический и/или экономический институты). И хотя даже сторонники университета как «стационарного» научного учреждения вынуждены были признать, что общественное мнение склонилось скорее к идее создания института, удовлетворяющего практические запросы общества [84, с. 239], в 1918 г. в Иркутске после революционных потрясений 1917 г. был открыт именно университет, не столько «классический», сколько «городской». Авторитетный специалист по университетской истории А.Н. Дмитриев, ссылаясь в том числе и на этот прецедент в Иркутске, констатирует: «...в 1917 году... главная роль в учреждении университетов все более переходит от центра к местным городским самоуправлениям и инициативным комитетам общественности, а власть выступает скорее регистрирующей и контрольной, а не исходной и всеорганизующей, как раньше, инстанцией» [26].

Помимо очевидных преимуществ, среди которых можно назвать, например, более демократичный, нежели в «классических» российских университетах, социальный состав учащихся и учащихся, неформальный статус «городского» принес с собой немалые проблемы, которые дали о себе знать, как только схлынула эйфория от мысли о превращении Иркутска в «столичный» университетский город. «Классические» амбиции нового университета явно

не соответствовали его «городской» амуниции: одно дело разово выделить средства из городской казны на его открытие или привлечь для этого средства неравнодушных к делу науки и образования горожан, и совсем другое — поставить университет, упорно стремящийся занять место в одном ряду со «старыми», обзаведясь «классическим» набором факультетов, на довольствие. К тому же решать эти проблемы пришлось уже новой власти, причем не только в условиях радикально и стремительно меняющейся социально-экономической и политико-идеологической среды, но и по ходу реформирования этой самой властью высшего образования в направлении придания ему профессионального характера, его «опрактичения» [29, с. 222] путем создания, например, высших образовательных учреждений нового типа — практических институтов.

Как результат, на образовательном пространстве Иркутска вплоть до начала 1930-х гг. имело место не только противостояние двух моделей развития высшей школы, но и борьба за скудный местный бюджет, на который последняя могла долгое время рассчитывать, за учащихся и учащихся — не менее, чем бюджет, скудный в количественном и качественном отношении контингент преподавателей. В этой борьбе местная власть в лице испытывавших очевидный пиетет перед классическим высшим образованием своих представителей⁵ приняла сторону

⁵ Упомянем лишь одного из них. Наиболее последовательным сторонником университета являлся Георгий Александрович Ржанов (1895–1974). Характеризуемый региональными энциклопедиями и словарями как «профессиональный революционер», он окончил двухклассное железнодорожное училище, Иркутскую учительскую семинарию, после чего работал народным учителем в сельской школе. Осенью 1917 г. поступил в Иркутский учительский институт, учебе в котором помешали революционные события. Они же сделали его одним из видных деятелей партийных и советских органов губернии. В интересующий нас период

университета. Однако победа в ней к концу рассматриваемого периода оказалась на деле пирровой: противостояние двух упомянутых моделей развития высшей школы перекинулось на внутриуниверситетский уровень, буквально взорвав вуз изнутри и похоронив под обломками «классических» амбиций первый «городской» университет. «Отстроенный» заново на его руинах можно при желании называть «классическим», но непременно добавляя «советский» [25, с. 55–56].

Как правило, за точку отсчета линии развития высшей школы в направлении ее «опрактичения» берут Декрет о практических институтах и техникумах от 14 июня 1921 г. И действительно, уже к осени этого года в одном лишь Иркутске функционировало три практических института: педагогический, созданный на базе трехгодичных педагогических курсов; политехнический, основой создания которого стал политехнический техникум, возникший в результате реорганизации иркутских средних технических и горного училищ; промышленно-экономический, начавший свою работу 15 сентября 1921 г. Ректор последнего, Илья Михайлович Камов, в своей статье на страницах губернской «Власти труда», знакомящей иркутян с целями и задачами нового высшего учебного заведения, относил начало его работы, впрочем, к более отдаленному прошлому. И отнюдь не к берущему старт двумя годами ранее созданию промышленно-экономических учебных заведений: куда большее внимание бывшего директора Иркутского

Г.А. Ржанов, помимо прочего, был заведующим губернским отделом народного образования, а также членом губернского исполнительного комитета и союза работников просвещения. Возможности, предоставляемые не только занимаемыми им административными должностями, но и редактируемой им газетой «Власть труда», активно использовались для поддержки университета.

городского коммерческого училища привлекло фактически инициированное Наркомпросом возрождение под вывеской «промышленно-экономического» системы дореволюционного «коммерческого» образования⁶.

Не один только статус практического и привнесенная революцией идея единой трудовой школы, за ним стоящая, но и традиции коммерческого образования предопределили видение И.М. Камовым цели высшего учебного заведения, которое он возглавил. В своем стремлении давать законченное образование по экономическим специальностям промышленно-экономический институт, по его словам, «не отрицая необходимость дать своим студентам строго проверенные научные знания... ставит главной своей целью на научной основе дать в условиях нового времени *практические знания и навыки*, без коих специалист в промышленно-экономической области оказался бы совершенно непригодным». Решающую роль в деле ее достижения призваны были сыграть уже не только трудноуловимые, постоянно ускользающие традиции, но и полученные в наследство от Иркутского городско-

⁶ Чутко реагирующий на политико-экономические перемены в стране, И.М. Камов не игнорирует, конечно же, и принципиальные различия между старым, «коммерческим», и новым, «экономическим», образованием: «...с изменением государственного строя России потребность в промышленно-экономических знаниях отнюдь не уменьшилась, но приняла лишь иные формы. После того, как Октябрьская революция национализировала крупную промышленность и внешнюю торговлю, спрос на людей со специальными “коммерческими” знаниями в узком смысле почти совершенно исчез в России, но зато зародившееся истинно пролетарское управление промышленно-хозяйственной жизнью стало предъявлять свои требования на людей с известной специально-экономической подготовкой для переустройства старого торгово-промышленного и экономического аппарата согласно требованиям новых форм развивающегося народного хозяйства. Потребовались люди не столько с коммерческим опытом, сколько с научно-экономической подготовкой и пониманием внесенных в государственную жизнь страны изменений» [39].

го коммерческого училища «обширный инвентарь учебно-вспомогательных пособий» и квалифицированный «преподавательский кадр» [39].

Небезынтересным и придающим дополнительный вес словам Камова в контексте предпринятого исследования представляется их сравнение с высказыванием на ту же тему, но скорее несущим революционный пафос, нежели указывающим на упомянутую педагогико-прикладную линию в развитии высшей школы, его коллеги — ректора Ирполприна (так в годы широкого употребления аббревиатур называли Иркутский политехнический практический институт) Анатолия Анисимовича Пескина. Последний уже на исходе короткой жизни возглавляемого им вуза писал: «В эпоху великой русской революции полезно вспомнить слова деятеля великой французской революции Дантона, высеченные на фундаменте его памятника в Париже: “Кроме хлеба народу необходимо просвещение”. Мы дополним это изречение в согласии с условиями нашей жизни и скажем, что рабочему классу необходимо не только общее образование, но все образование и по преимуществу — специальное!» [56].

Однако куда более выразительным оказывается сравнение приведенных высказываний с позицией ректора «городского» университета тех лет Николая Дмитриевича Бушмакина, со всей определенностью заявленной им в докладе на Торжественном акте по поводу трехлетия существования Иргосуна, состоявшемся 27 октября 1921 г. Газетный материал с изложением доклада (а порой и дословно цитирующий докладчика) поразительно напоминает публикации в местной периодике пяти-десятилетней давности, когда на ее страницах шла полемика под условным названием «университет против института» и сторонники первого обильно усыпали свою речь эпитетами

«очаг» или «величавый храм науки». Словами «...но хочется и должно говорить о науке» Н.Д. Бушмакин словно бы дистанцировался от той части своего выступления, где речь шла об университете как высшем учебном заведении, его факультетах, преподавателях, студентах и т. д. Он не просто напоминает слушателям, а ставит очевидное смысловое ударение (нами отмеченное курсивом) в утверждении: «До последнего времени русские *ученые* были одновременно и преподавателями у[ниверсите]тов». И только в последние годы (и здесь вновь не обошлось без постановки ударения на ограничительной частице) «...стали говорить, что у[ниверсите]ты должны быть *лишь* фабрикою спецов». «Такой взгляд не разделяется профессором, — резюмировала газета, — и должен, по его мнению, быть раз и навсегда оставлен» [76], что не оставляет сомнений в его приверженности научной линии развития высшей школы, стремлении продолжить строительство на восточной окраине страны классического/«старого» университета.

Именно 1921/22 учебному году суждено было стать переломным в развитии высшей школы региона. Если в его начале на образовательном пространстве региона функционировало три практических института и «городской» университет, то к концу безраздельно господствовал последний, фактически вытеснивший конкурентов. И это притом, что лишь во второй его половине столицей был замечен сам факт существования учебного заведения в Иркутске, присвоившего столь высокий статус, и оно было «признано государственным». Исключительно на присутствовавших 4 июля 1922 г. на заседании совета Иргосуна представителей местной власти (губисполкома, губпрофсовета и губоно) были рассчитаны слова Н.Д. Бушмакина о том, что одно только намерение центра поставить с нового учебного года вуз на довольствие, к тому же в

размере, приравнивающим его к «старым» университетам, следует рассматривать как признание его права на дальнейшее существование. Аргументом, который бы окончательно убеждал провинциальное чиновничество в особом призвании «молодого» университета, должно было послужить упоминание об одном из заседаний ученого совета в Москве, на котором «...3 ректора старых ун[иверсите]тов заявили, что они знают Иргосун...» [11].

Было бы упрощением связывать недолгое сосуществование на образовательном поле Иркутска сразу четырех высших учебных заведений исключительно с самыми трудными в финансовом отношении 1921–1922 годами жизни молодого советского государства, хотя на грани закрытия, от которого сам по себе не спасал носивший во многом условный характер статус государственного, а выделяемое финансирование было скорее символическим, стоял и университет. Как, впрочем, и утверждать, что виной непродолжительной жизни практико-ориентированных высших учебных заведений, возникших в 1920–1921 гг., стали нехватка кадров и недостаточность их материальной базы; напротив, именно они выступили «донорами» университета. С этой точки зрения и короткий период сосуществования практических институтов и университета, и административная борьба за функционирование последнего в присвоенном себе академическом статусе «классического» (универсального) представляют немалый интерес для понимания того, что происходило с высшей школой региона на протяжении 1920-х и в самом начале следующего десятилетия, а с точки зрения политики присоединения (поглощения) к университету других учебных заведений (не только высших), осуществлявшейся в тесном альянсе с властью, — и для понимания происходящего в наши дни.

В переломный и крайне сложный в финансовом отношении для высшей школы региона, да и страны в целом, 1921/22 учебный год университет вступал, как не без гордости отмечал в уже упомянутом докладе на Торжественном акте его ректор, «развернув все факультеты старых российских университетов». Ложку дегтя в бочку меда Н.Д. Бушмакин добавит позднее, констатируя в своей статье, посвященной приближающемуся четырехлетию учебного заведения, что «наиболее полным преподавательским персоналом является в настоящее время Медицинский факультет... Клиники и почти все лаборатории и кабинеты развернуты. Таким образом, Медицинский факультет можно считать организованным и прочно вставшим на ноги; дальнейшая его судьба не вызывает опасений. Что же касается факультета общественных наук, то он сильно нуждается в пополнении преподавательскими силами... Значительные потери преподавательского персонала в течение ряда лет сильно истощили факультет и поставили его в очень трудное положение. Отсутствие преподавателей многих кафедр, перегруженность наличного состава преподавателей многими курсами — все это вредно влияет на дело факультетского преподавания. Перед Университетом стоит неотложная задача привлечения на этот факультет новых научных работников и принятия всевозможных мер в этом направлении» [8, с. 327–328].

К числу таких «всевозможных мер» следует отнести прежде всего принятое правлением университета по инициативе гумфака (на базе части которого будет создан факультет общественных наук с правовым, экономическим и восточным отделениями) еще в сентябре 1921 г. решение о введении института лекторов. Если на протяжении первых трех лет своего существования университет придерживался дореволюционных правил, требовавших от претенду-

ющих на занятие должностей на кафедрах не только известного академического (преподавательского) стажа или печатных трудов, но и сдачи магистерских испытаний и защиты диссертации, что даже становилось причиной конфликтов в трудовом коллективе («жертвой» которых стал, например, известный экономист П.П. Маслов), то начиная с 1921/22 учебного года эти требования были сняты. Как писала газета «Власть труда», «...с введением института лекторов университету (и каждому факультету в отдельности) предоставляется широкая возможность черпать те необходимые силы, которые нужны ему для ведения тех или иных курсов... [что] выведет университет из состояния замкнутости, в которой он находился до последнего времени, и тем самым свяжется с жизнью» [10].

Указанную новацию следует истолковать не только в смысле более позднего включения университета в правовое пространство, формируемое новой властью, установившейся в Иркутске в 1920 г., своими декретами разрешившей занимать профессорские должности лицам, упомянутым условиям не соответствовавшим. Слова из заметки в губернской газете о «выходе из состояния замкнутости» и «связи с жизнью» не дают усомниться в том, что университет осуществил действия, которые принято называть «конкурентными» — направленными на заимствование конкурентных преимуществ, прежде доступных лишь практическим (коммерческим и политехническим) институтам. В отличие от «классических» университетов практико-ориентированные высшие учебные заведения как до революции, так и после нее широко привлекали в качестве лекторов/преподавателей тех, кого И.М. Камов называл в своей статье «лучшими силами местной научно-практическо-профессиональной среды». Теперь же на поле, прежде целиком принадлежавшем иркутским практическим

институтам, занимавшим собственные сегменты, границы которых нарушались в малой части дисциплин, вышел новый игрок, эти границы презревший и, более того, их нарушением не ограничившийся, а приступивший к реализации очередной из «всевозможных мер» — политики присоединения/поглощения конкурентов.

Впрочем, Иркутский университет рассматриваемых лет будет вполне оправданно поставить в один ряд с практическими институтами не только по этой причине. Уже в своей небольшой заметке «К четырехлетию Иргосуна» его ректор, заметим, доктор медицины и первый декан медицинского факультета Н.Д. Бушмакин фактически признавал, что попытка развернуть в городе, расположенном на далекой периферии страны, все факультеты «старых российских университетов» не увенчалась успехом. В его структуре, в образовательной, научной, хозяйственной жизни абсолютно доминировал медицинский факультет. Прекрасно осознавали это и городские/губернские власти, и, когда во весь рост встанет вопрос о сохранении в городе хотя бы одного высшего учебного заведения, отстаивать они будут уже не столько «университетскую идею» или «классический» университет, сколько сугубо «практический» медицинский факультет.

Газета «Власть труда» в статье «О судьбе Иркутского государственного университета», являвшей собой обзор выступлений на совещании «представителей учреждений и организаций, заинтересованных в сохранении Иргосуна», со всей откровенностью напишет: «Вопрос в главной части сводится к сохранению в Иркутске медицинского факультета, так как существование остальных стоит в тесной зависимости от него» [52]. Зависимость эта была прежде всего финансовой. Медицинский факультет превратился в достаточно прибыльное коммерческое «предприятие», на

«балансе» которого числились аптека и диагностическая лаборатория, кроме того, оказывались медицинские и сестринские услуги на дому и в факультетских клиниках, осуществлялась «обработка лекарственных веществ». Заметим, что, помимо этого, университет располагал подсобным хозяйством, где выращивались сельскохозяйственные продукты для клиник, собственной мельницей, молочным хозяйством, приносявшей доход недвижимостью (доходным домом). Бюджет вуза пополнялся и благодаря «самообложению студенчества» [11].

Коммерческая деятельность факультета/университета была далека от прозрачности, о чем не преминула упомянуть на своих страницах выражавшая интересы общественности губернская «Власть труда». Укрывшийся за вряд ли вызывавшим в те годы необходимость в расшифровке криптонимом Г ее редактор И.А. Гольдберг отнюдь, думается, не случайно задавал далеко не риторические вопросы об источниках и движении средств, «...откуда и в каких размерах черпались они, как расходовались, как и когда контролировались, каким именно образом аптека из ничего превратилась в предприятие с имуществом в десятки миллионов» хотя и не золотых, но столь необходимых советских рублей. Однако более всего волновала и интересовала вопрошавшего роль оказавшихся сваленными в общую кучу средств Комитета содействия Иргосуну, по существу пожертвованных тому «на бедность» организациями и предприятиями города/региона и рисковавших быть втянутыми в коммерческий оборот, как и то, не окажутся ли принесенными в жертву коммерческим делам академические. Повод для подобных опасений давал ректор, в публичных выступлениях и публикациях которого раз за разом слушатели и читатели не находили ответа на вопросы: «кто ведет академическую работу», «были ли научные

работы университета», «каковы формы академического управления факультетов» [16].

Рьяный защитник университета Г.А. Ржанов на упомянутом совещании «заинтересованных в сохранении университета» и вовсе свяжет в своем выступлении «историческую миссию» Иркутского университета с «существованием и действительным положением здесь [в Сибири и Иркутской губернии] медицинского образования» [52]. Он же в передовой статье номера «Власти труда» от 15 июля 1922 г. назовет «победой университета» первый выпуск врачей, отнеся триумф на счет «науки», или «высшей культуры», подлинным храмом которой является университет [63], тем самым продемонстрировав видение медицинского образования частью образования университетского, естественно-научного, оправданное в XIX в., но уже не отвечавшее реалиям вступившего в свои права века XX, в частности, игнорировавшее кардинальное расширение объема профессиональной, практико-ориентированной подготовки будущих врачей, сделавшее неизбежным «уход» медицинского образования из университета.

На фоне этой победы (отсутствие кавычек призвано показать, что авторы в полной мере осознают значимость данного события для высшей школы и региона в целом) факт реорганизации Иркутского промышленно-экономического института в техникум рисковал пройти незамеченным и быть списанным на отсутствие средств, выделяемых Главпрофобром на его содержание в ряду многих десятков открытых в первые послереволюционные годы высших учебных заведений. Даже с учетом существования весьма весомой финансовой причины пройти мимо этого факта не позволяют более чем прозорливые слова ректора института И.М. Камова, которыми тот завершил уже неоднократно упомянутую статью. Ими он указывал

Экономическое образо- вание.

В мае месяце в Иркутске приступлено к организации политико-экономического института с 2-х годичным курсом преподавания и промышленно-экономического техникума с 4-х летним курсом преподавания. Число слушателей в институте предполагается в 60 человек и в техникуме—90 человек.

Власть труда. 1921. 26 июня

Экономическое образо- вание.

Промышл. экон. институт. С начала учебного года начинает функционировать Иркутский практический промышленно-экономический институт с 4-х летним курсом преподавания, которое будет вестись в здании №6. коммерческого училища и III советской школы II-ой ступени. В этом году будут открыты 1-ый общий курс и 1 и 2 специальные.

Власть труда. 1921. 25 авг.

Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири.

В кратких словах главная задача «открытого Промышленно-Экономического института» подготовить промышленно-экономических инженеров (слово „инженер“ понимается как определенная высшая ступень квалификации), т. е. обеспечить правительственный аппарат администраторами крупных промышленных предприятий, финансистами, товароведами, кооператорами, продовольственниками, статистиками, бухгалтерами, преподавателями специально-экономических предметов в старших классах единой трудовой школы.

Ректор пром.-экон. института

И. Камов.

Фрагмент статьи И.М. Камова

«Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири»
(Власть труда. 1921. 16 окт.)

На помощь Вузам.

„На помощь Вузам, на помощь“ Вузам“, —
Кричат плакаты. Читай. Гляди.

По всем ячейкам, по всем союзам,
На помощь Вузам все, как один!
Нет, Вузы наши — не „храм науки“,
Где тайны ведают „жрецы“.

Уже давно рабочих руки
Сорвали маски и венцы.

Там ритмы фабрик, там кузниц горны
Готовят новых кузнецов,
В работе смелых, в борьбе упорных,
За счастье будущих бойцов.

На фронт хозяйства страны убогой —
Запасы сил несете вы.

Там, в стенах Вузов, крепнет много
Побед октябрьских часовых.

Им, молодым, в рабочих блузах
Мы дать посильное должны...

На помощь Вузам, на помощь Вузам,
За солнце будущей весны!

Алая.

Стихотворение К. Ольховской «На помощь Вузам»
(Власть труда. 1923. 1 апр.)

Педагогический Совет Иркутского промышленно-экономического техникума, не имея возможности, вследствие крайне ограниченного содержания, какнибудь более существенно притти на помощь ВУЗАМ, постановил отчислить 2% в пользу ВУЗАМ из получаемого за март месяц содержания.

Власть труда. 1923. 13 апр.

Применная Комиссия при Иркутеком Промышленно-экономическом техникуме объявляет, что прием заявлений от желающих поступить в Техникум будет производиться ежедневно в присутственные дни и часы до 5 сентября. Начало приемных испытаний с 5 сентября.

5063

Власть труда. 1923. 18 авг.

В 1920–1930-е гг. увлечение авиацией было массовым

Агитперелет, 1925 г.

Постановлением Правительственной Комиссии, Народного Комиссариата Финансов РСФСР и Госбанка СССР на базе Финансового Отделения Иркутского Государственного Университета организован

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В СОСТАВЕ 3-х ОТДЕЛЕНИЙ

1. ФИНАНСОВОГО 2. КРЕДИТНОГО и 3. УЧЕТНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО.

Целевой установкой Финансово-Экономического Факультета является подготовка высококвалифицированных работников экономистов-финансистов по всем видам финансовой и кредитной системы, могущих активно участвовать в руководстве процессами реконструкции народного хозяйства и финансовой системы Союза и соответствия с задачами экономической и финансовой политики.

Подготовка экономистов-финансистов производится на основе усвоения марксистско-ленинской методологии и углубленной проработки экономических учетно-статистических и специальных финансово-кредитных дисциплин.

СРОК ОБУЧЕНИЯ—ТРИ ГОДА

Район обслуживания—Сибирь, Дальне-Восточная область, Бурято-Монгольская республика, Якутия и Казахстан.

Партийные, профессиональные и финансовые организации округов, городов и районов должны принять срочные меры и командировать на факультет необходимого их контингента учащихся из рабочих и детей рабочих, батраков и колхозников, так как окончившие факультет будут распределяться на работу по принципу возвращения в те районы, которые их командировали.

Прием заявлений производится и от лиц, не имеющих специальных командировок на факультет.

ПРИЕМ НА ФАКУЛЬТЕТ ПРОИЗВОДИТСЯ ТРИ РАЗА В ГОД

Начало занятий каждого приема: осеннего 1-го сентября, зимнего 1-го января и весеннего 1-го мая.

Прием заявлений производится за 2 месяца до начала занятий, а испытания начинаются за 15 дней до начала занятий в соответствующее триместры. Студенты, зачисленные на факультет, обеспечиваются общежитием и хозяйственными стипендиями в размере 70 руб. в месяц на 1-м курсе, 85-ти рублей на 2-м курсе и 100 рублей на 3-м курсе.

Прием производится на все три курса

Поступающие на 1-й курс держат испытания по русскому языку, математике, физике и обществоведению. Испытания производятся при ОНО, согласно постановления Наркомпроса (Правила приема, порядка, срок и программы испытаний, утвержденные Главрефбюром, продаются в книжных магазинах).

От испытаний на 1-й курс освобождаются: 1) окончившие рабфаки, 2) окончившие десятилетки в 1929 и в 1930 г. г., 3) окончившие курсы (государственные) по подготовке в Вузы рабочих, 4) окончившие техникумы, проработавшие не менее 3-х лет по специальности после их окончания.

Для поступления на 2-й курс требуются знания в объеме 1-го курса социально-экономических Вузов (политэкономика, экономическая география, ленинизм, история хозяйственного развития, хозяйственное право, статистика, общее и торгово-промышленное счетоводство).

К заявлению о приеме должны быть приложены следующие подлинные документы: 1) завершенная анкета (выполняется по первому требованию), 2) свидетельство о рождении, 3) свидетельство об образовании, 4) справка о трудовом стаже поступающего и его родителей и их социальном положении и происхождении (крестьяне и их дети представляют копию складного листа по сельхозналогу за 1928—29 г.), 5) медицинское удостоверение о состоянии здоровья и справка об освидетельствовании, 6) все другие документы, характеризующие лицо, подающее заявление (отзывы партийных, профессиональных и др. общественных организаций), 7) две завершенных фотографических карточки.

Прием заявлений и получение различных справок производится по адресу: г. Иркутск, Иркутск, Финфак.

На осенний прием 1930 года объявляется набор в количестве 100 человек. Прием заявлений производится 15-го августа. Испытания начинаются 16-го августа. Начало занятий 1-го сентября.

Заведующий Финфакком Чудновский.

Фабзавкомам и партийным, завклубами и избачам рекомендуется вырезать настоящее объявление и вывесить для ознакомления.

Власть труда. 1930. 1 июля

Иркутский Государств. Университет

реорганизован в три самостоятельных Института: медицинский, педагогический и экономический, которые в дальнейшем будут находиться введении и соответствующих Наркоматов.

Организации и лица, имеющие претензии к Иркутскому Государственному Университету, должны заявить таковые по адресу: г. Иркутск, Набережная Ангара, № 20, комн. № 12, до 1-го сентября с. г.

Зам. директора университета Наротин. 6109

Власть труда. 1930. 12 авг.

ОТКРЫТИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Позавчера состоялось торжественное открытие Сибирского финансово-экономического института. К торжественному открытию был приурочен выпуск банковцев и финансистов, кончающих институт 15 ноября. С приветствиями выступали представители партийных, советских и общественных организаций.

Институт имеет два отделения: финансовое и кредитное. Его установка — подготовить высококвалифицированных специалистов экономистов-финансистов в области планирования и регулирования финансовой и кредитной системы, а также организаторов, могущих активно участвовать в руководстве процессами реконструкции народного хозяйства и финансовой системы. Срок обучения в институте — три года.

С февраля 1931 года при институте открываются дневной и вечерний рабфаки с трехгодичным сроком обучения. На подготовительное отделение прием будет производиться в феврале и сентябре. В институте, на рабфаке и на подготовительном отделении будут открыты национальные группы.

Институт обслуживает Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Тихоокеанский края, Бурят-Монголию, Якутию и Ойротию. С открытием института заполнится прорыв в подготовке финансовых кадров для Сибири и Дальнего Востока.

Сибирский Финансово-Экономический Институт

(организованный на базе Финансово-Экономического Факультета Иркутского Государственного Университета)

в составе 2-х отделений:

1. ФИНАНСОВОГО и 2. КРЕДИТНОГО

объявляет набор студентов на все курсы института.

Целевой установкой Сибирского Финансово-Экономического института — является подготовка высоко-квалифицированных специалистов экономистов-финансистов в области планирования и регулирования финансовой и кредитной системы, а также организаторов (оперативных работников), могущих активно участвовать в руководстве процессами реконструкции народного хозяйства и финансовой системы, в соответствии с задачами экономической и финансовой политики.

Подготовка экономистов-финансистов производится на основе усвоения Марксистско-Ленинской методологии и углубленной проработки экономических, учетно-статистических и специальных финансово-кредитных дисциплин.

Срок обучения в институте — три года и три месяца.

Сибфининститут обслуживает: Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-восточный край, Бурято-Монголию, Якутию и Ойратию.

В Институте открыты национальные группы.

Студентам, зачисленным в институт — предоставляется стипендия в размере от 50 до 105 рублей, а зачисленным в порядке командировки в счет тысячи от 125 до 175 рублей в месид. Иногородним студентам предоставляется общежитие.

Подробные сведения о поступлении можно получать во всех финансовых и кредитных учреждениях Восточной и Западной Сибири и Дальнего Востока и в Райкомы партии.

Прием заявлений и получение различных справок производится в канцелярии института по адресу: гор. Иркутск, ул. К. Маркса и Ленина, д. № 15—17. Справки, анкеты и условия приема высылаются по первому требованию.

Директор Института Чудновский. 48

**В начале 1930-х гг. здание Александро-Мариинского училища
было достроено двумя этажами и в нем разместили
Сибирский финансово-экономический институт,
созданный постановлением Совнаркома СССР
от 11 августа 1930 г.**

**Студенты и преподаватели
Сибирского финансово-экономического института, 1930-е гг.**

**Так выглядела студенческая (зачетная) книжка,
выданная в 1931 г.**

Занятие в кабинете марксизма-ленинизма, 1935 г.

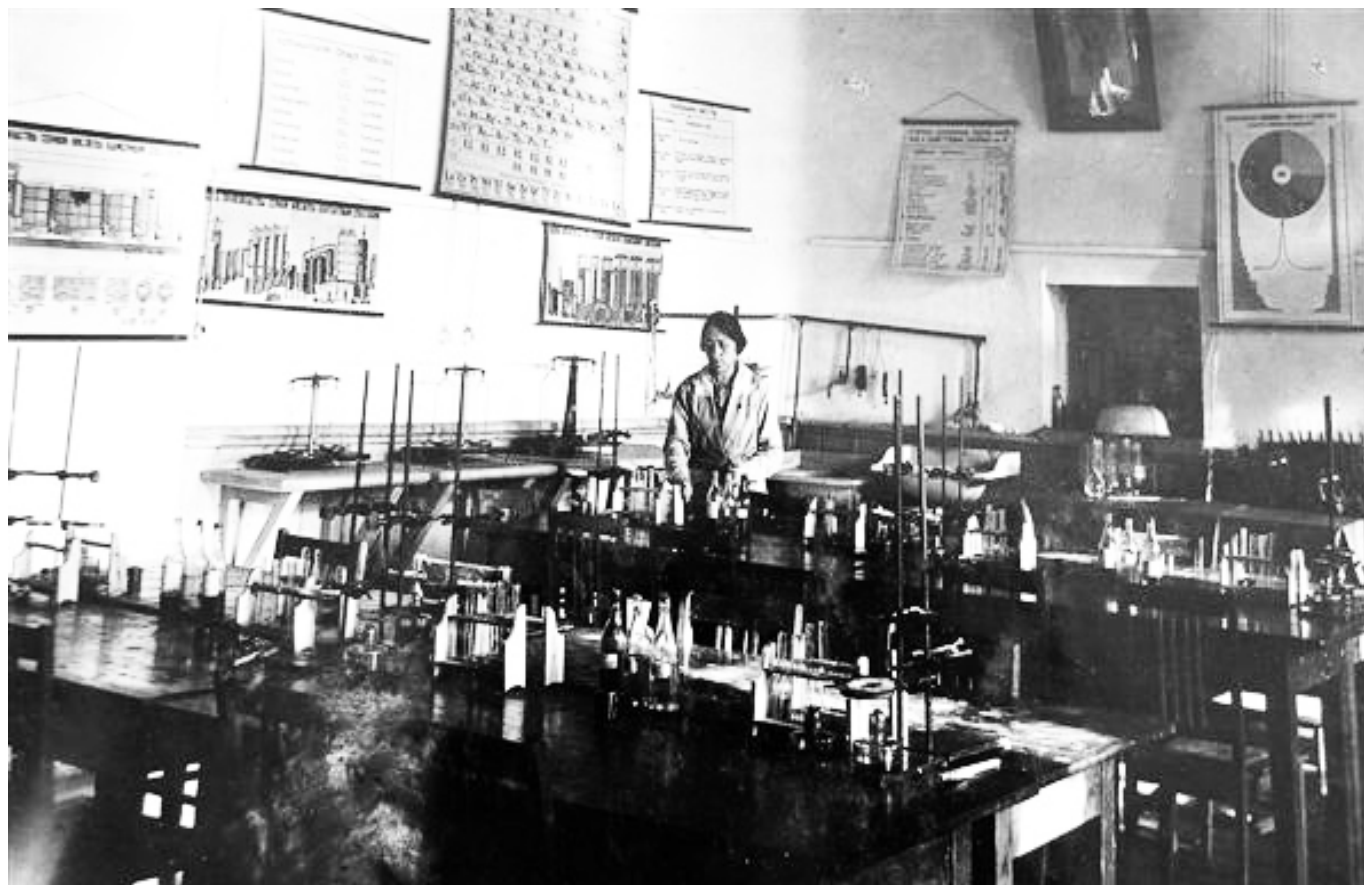
Занятие в аудитории соцучета, 1936 г.

В столовой вуза, 1930-е гг.

На лекции, 1939 г.

Химическая лаборатория, 1939 г.

В этом особняке располагалось общежитие студентов, 1940 г.

не только и не столько на наличие связи между будущим промышленно-экономического образования в Восточной Сибири и «реальной поддержкой государства», сколько на скрытый за ней выбор в пользу нового, практико-ориентированного типа высшего экономического образования, в корне отличного от подготовки (преимущественно научно-теоретической) «экономистов», осуществлявшейся на юридических факультетах «классических» университетов. Лишь сделав такой выбор, государство создаст условия для подготовки «кадра квалифицированных работников, без коего экономическая политика государства в этой области встретила бы невероятные трудности для своего осуществления» [39].

Губернские государственные органы сделали выбор в пользу развития высшего экономического образования на гуманитарном и пришедшем ему на смену факультете общественных наук университета, где ему предстояло вновь оказаться в тени образования юридического с той лишь разницей, что в новой политической обстановке оно превратилось в своеобразную идеологическую ширму для последнего. Впрочем, говорить о «развитии» экономического образования в рамках университета следует, непременно указав на его механизм. Наиболее точно и при этом образно его определил Н.Д. Бушмакин, использовавший выражение «влиять в себя» [8, с. 327] для обозначения процесса присоединения/поглощения Института народного образования — с созданием на его основе и на базе части гуманитарного факультета (исторического, философского и филологического отделений) педагогического факультета университета, — жертвой которого немногим позже стал и промышленно-экономический институт.

Красноречив в этом отношении факт, информация о котором промелькнула на страницах местной газеты, рискуя

затеряться среди множества подобных ежедневных сообщений. Коллегия губоно, рассматривавшая на своем заседании вопрос о реорганизации института в среднее специальное промышленно-экономическое заведение, высказала озабоченность исключительно обеспечением «будущего техникума помещением и коренным изменением состава преподавателей» [51]. Кадры «высшей квалификации», как можно догадаться, пошли на «повышение», не столько пополнив ряды преподавателей факультета общественных наук университета и упрочив упомянутую идеологическую ширму, сколько «опрактичив» университетское образование, тем самым усилив противостояние двух его моделей, которым теперь предстояло уживаться под одной университетской крышей. Проблема с помещением также нашла свое решение, ибо в борьбу за «наследство» Иркутского промышленно-экономического института включился и Ирполприн. Из остававшихся «в живых» практических институтов он не просто охотно предоставил свои площади, но и предпринял «энергичные меры» для скорейшего открытия промышленно-экономического техникума и организации набора в него, рассматривая его в качестве своеобразного «рабфака» [35], осуществляющего подготовку будущих студентов («кадра слушателей») ⁷. Когда же и

⁷ Жертвой подобного способа пополнения рядов студентов иркутских вузов (к тому времени — университета и политехникума) стал в том же году еще один промышленно-экономический техникум региона — Черемховский, возникший на базе Коммерческого училища Черемховского угольного района, основанного П.К. Щелкуновым (образованного, в свою очередь, на базе существовавшего с 1912 г. частного восьмиклассного коммерческого училища П.К. Щелкунова). Как писала все та же «Власть труда», излагая доклад завгубпрофобром А. Пескина, «студенты промышленно-экономического техникума последних курсов, обогащаясь познаниями первых курсов, стремятся перейти в высшие учебные заведения, куда их принимают на льготных условиях. В результате указанного явления третий и четвертый курсы техникума пустуют, и на

над Ирполприном будет занесен дамоклов меч в виде секвестра государственного бюджета и «реорганизации», университет начнет всерьез рассматривать вопрос о том, чтобы «влиять» его в себя в качестве специального технического факультета [19], — намерение, за которым только на первый и поверхностный взгляд не просматривается прежнее стремление иметь/сохранить в городе «университет в развернутом его виде», или классический/«старый» университет с традиционным набором факультетов. Стремление, заставлявшее самостоятельный медицинский факультет (прежде являвшийся частью физико-математического, объединявшего кафедры наук о природе) содержать прочие факультеты университета; «прятать» юридическое отделение (прежде один из ключевых факультетов университета) за ширмой экономического в рамках общественно-экономического факультета; скрывать ранее самостоятельный физико-математический факультет в недрах соответствующего отделения факультета педагогического, а в силу возникших трений и противоречий (о которых речь еще пойдет) искать для него прибежище в виде технического факультета, создаваемого ценой поглощения самостоятельного учебного заведения. Когда в подобном прибежище возникнет потребность у факультета общественных наук, а точнее, у его восточного отделения, придававшего факультету и университету в целом не только местный колорит, но и международный статус, в дело будет решено пустить жалкие остатки промышленно-экономического института — одноименный техникум. На его основе с целью

них остается не более 10 студентов» [17]. Потребовалось даже принятие специального постановления губпрофобра о закреплении за техникумом студентов старших курсов из числа стипендиатов, т. е. обучающихся за государственный счет.

«усиления преподавателями» факультета общественных наук (!) предполагалось организовать в университете торгово-промышленную школу, осуществляющую подготовку специалистов-практиков (!) в области соответственно внутренней и внешней торговли. Сообщая об этом так и не реализованном на деле постановлении Государственного ученого совета, газета «Власть труда» озаглавила заметку, что символично, словами: «Положение Иргосуна укрепилось» [58].

Вряд ли внимательному и вдумчивому читателю потребуется долго и многословно объяснять, в силу каких причин на страницах одного из номеров губернской «Власти труда» появилось объявление, впечатлившее авторов настоящей работы как своим содержанием, так и формой, начиная с бросающегося в глаза противоречия между сожалением о невозможности оказать более существенную финансовую поддержку и фактом совершенно необязательного размещения этих нескольких строк в разделе платных объявлений газеты и завершая присутствием в коротком тексте газетного объявления (!) очевидного смыслового ударения, достигаемого с помощью повторения слов «помощь ВУЗАМ». Опубликовано в период устроенного губернскими властями с 1 по 15 апреля 1923 г. «двухнедельника помощи вузам»⁸, оно скрытым за этими словами сарказмом и звучащей в них обидой лучше иных обширных статей убеждает не только в крайне острой конкурен-

⁸ Строки из стихотворения «На помощь Вузам» публикующейся под псевдонимом Алая поэтессы К. Ольховской, открывавшего посвященный «двухнедельнику» номер газеты «Власть труда» от 1 апреля 1923 г.: «Нет, вузы наши — не “храм науки”, / Где тайны ведают “жрецы”» и «Там ритмы фабрик, там кузниц горны / Готовят новых кузнецов» — могли бы послужить хорошим эпиграфом к данному разделу, но не поэтическим выражением тех процессов, что разворачивались на образовательном пространстве города.

ции, развернувшейся на образовательном пространстве региона, но и в несовершенном характере последней.

Упомянутый же «двухнедельник» был направлен на привлечение «самых широких рабоче-крестьянских масс» большого региона, простиравшегося от Енисея до Амура и от Якутска до Троицкосавска (Кяхты), к делу помощи вузам Иркутска, помощи, включающей и индивидуальные пожертвования, и взносы — деньгами или продуктами — от государственных, частных и кооперативных предприятий и организаций. И хотя на момент проведения общественной акции в число высших учебных заведений входили университет и практический политехнический институт, широко растиражированные «Тезисы для докладов на местах» (впоследствии именовавшихся политинформациями) не оставляли сомнений ни в основном бенефициаре, ни в условиях получения им выгод и льгот. Победителем в борьбе за бюджетные (преимущественно местные) средства, а также за административный ресурс назначался университет, который усилиями новой власти начиная с 1920 г. не просто «непрерывно расширялся, укреплялся», а сознательно и целенаправленно встраивался, как со всей определенностью заявляли авторы «Тезисов...», «органическим звеном в систему государственного аппарата власти» [31].

Впрочем, «Тезисы...», будучи идеологическим продуктом, содержали еще упоминание о «всякого рода инженерах и техниках», по преимуществу рабоче-крестьянского происхождения, подготавливаемых для работы в отраслях народного хозяйства [там же], т. е. о массовом высшем образовании, или «фабрике кадров» — практическом политехническом институте. Его ректор даже опубликовал на страницах «Власти труда» обширную по газетным меркам статью, подчеркивавшую общность целей вузов: «Выс-

шие учебные заведения, в сущности, все специальные, и задача их — создание фонда живых производительных сил. Вот почему они вправе надеяться на широкую общественную помощь» людей, сознающих, что «они помогают и себе как членам хозяйственно-общественного коллектива» [56]. Однако состоявшийся 12 мая 1923 г. по результатам «двухнедельника» пленум Иркутского губисполкома был посвящен исключительно университету и его нуждам, хотя до принятия Главпрофобром решения о реорганизации Ирполприна в «средний политехникум», не говоря уже о реакции на него местных властей, оставалось еще целых два месяца.

Репортаж газеты «Власть труда», озаглавленный «Иркутский университет и его нужды», примечателен по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, «лукавством», присутствующим в основном докладе ректора университета Н.Д. Бушмакина (и вполне сопоставимым с идеологической заданностью вышеупомянутых «Тезисов...»), с которым тот, сознавая «стесненное положение местного бюджета», от имени Иргосуна «просил не столько материальных средств, сколько моральной поддержки». Во-вторых, «пророчеством», содержавшимся в заключительном слове докладчика и предрекавшим, что при отсутствии вполне осязаемой, материальной помощи от университета останется «только одна вывеска!» [57]. Этому «пророчеству» суждено было сбыться как раз в силу оказания университету финансовой помощи из местного бюджета, не ограничившейся средствами от проведения денежных лотерей или обложения в его пользу кинематографов, а основывавшейся на куда более прочном фундаменте — однопроцентных отчислениях с сумм уездных бюджетов [36], помощи, не пошедшей впрок больному университетскому организму, поскольку

ку болезнь эта была отнюдь не благоприобретенной или порожденной текущими социально-экономическими проблемами, а преследовала его от рождения.

Уже не первые неясные симптомы, а отчетливые признаки заболевания проявили себя буквально по горячим следам описанных выше событий. Местные историки науки и образования склонны игнорировать их, полагая во многом надуманными, если вовсе не происками государства, стремившегося любыми путями сократить бюджетные траты. На первый взгляд, действительно, решением Сибревкома, утвердившим перечень финансируемых государством сибирских высших учебных заведений, Иркутский университет едва не лишился педагогического факультета, будучи сведен к медицинскому, ФОНу и рабфаку. Основанием послужило отрицательное заключение комиссии из Новониколаевска, обследовавшей факультет в начале лета 1923 г. Оставляя в стороне вопрос о дальнейшем развитии ситуации с факультетом, обратим внимание лишь на ключевой изъян в его работе, выявленный, заметим, не без участия студенческого актива — в большинстве своем учителей школ первой ступени, получивших свое образование в педагогическом техникуме, в который был преобразован упоминавшийся нами практический педагогический институт.

Дабы избежать упреков в неверной интерпретации чужих слов или их выдергивании из контекста, доверим характеристику отмеченного изъяна (он же — «язва педфака») — нами, впрочем, уже обозначенного выше — не просто современнику, но, очевидно, сотруднику факультета тех лет. Скрывший свое имя за криптонимом Н, он писал на страницах «Власти труда»: «Стремление физико-математического отделения, бывшего самостоятельным факультетом, к прежнему своему состоянию в корне подрывало идею нашего факультета как педагогического. Все

силы, как материальные, так и научные, сосредоточились на физико-математическом отделении, а педагогические и гуманитарные дисциплины играли роль падчерицы при злой мачехе. От педфака оставалось одно только название, одна вывеска, т. к. в действительности был цветущий физико-математический факультет и захудалый гумфак» [50]. Выделим слова автора статьи о дискредитации самой идеи педагогического образования как практико-ориентированного — именно этой стороне проблемы был посвящен почти весь остальной ее текст, начиная с констатации факта, что «его [педфака] многочисленные кабинеты и лаборатории работают с чисто научными, узкоспециальными целями, без малейшего даже намека в сторону педагогики», и завершая выводом о необходимости перестройки образовательного процесса в направлении придания ему способности давать «не только сухие кабинетные знания, но и умение применять их на деле...» [там же]. Насколько точен был автор в постановке диагноза, настолько же неубедителен он оказался в путях лечения «язвы педфака», полагая действенным средством специализацию педагогов в области естественно-научных дисциплин. Столь же паллиативным (буквально — не излечивающим, хотя и поддерживающим жизнь) был путь, избранный факультетом общественных наук — судьба экономического отделения которого, закрытого решением Главпрофобра в связи с созданием практического промышленно-экономического института, интересует нас прежде всего⁹ — с момента его реорганизации в 1924 г. ФОН на пять лет, вплоть до создания на его основе самостоятельного экономического фа-

⁹ Мы не рассматриваем всерьез краткосрочное существование в структуре правового отделения ФОНа кооперативного цикла, в рамках которого читались, наряду с «кооперативными», и некоторые экономические дисциплины.

культета, становится факультетом права и местного хозяйства — правфаком, или, как его чаще, смещая акценты, со временем станут именовать, хозправфаком. Воссоздание в его структуре в 1925 г. экономического отделения (хотя и называвшегося официально отделением местного хозяйства) можно рассматривать как попытку повернуть время вспять, воспроизводя ситуацию с университетским экономическим образованием более чем четвертьвековой давности и наглядно демонстрируя ее неуместность в принципиально изменившихся за последние годы условиях.

Первая («виттевская») волна индустриализации, накрывшая Россию в указанный период, обусловила уже упоминавшийся нами «прагматический поворот» траектории развития образования¹⁰, который, можно сказать, не затронул сосредоточенную на юридических факультетах университетов и целиком принадлежавшую сфере науки систему обучения экономической теории (политической экономии), фактически не связанную с возможностью использования получаемого знания на практике. Обострив отношения между университетскими «юристами» и «экономистами», вдохновленными «интервенционистской политикой в сфере высшего образования, проводившейся Министерством финансов под руководством Витте», негативно оценивавшим «рутину юридических факультетов» [75, с. 235], перемены не привели ни к созданию самостоятельных экономических факультетов, ни к формированию профессионального экономического сообщества. Если система экономического образования в стране и претерпела изменения, то исключительно благодаря параллельному — если не сказать

¹⁰ Мишель Тисье, имея в виду дисциплинарную его составляющую, с полным на то основанием называет этот поворот «экономическим» [75, с. 235].

альтернативному¹¹ — строительству системы образования коммерческого. По мнению И.М. Камова, открытие в Иркутске уже новой властью промышленно-экономического института фактически на базе существовавшего с 1907 г. коммерческого училища, даже невзирая на вызванный событиями революционного лихолетья перерыв в его работе, явилось завершающей стадией этого строительства, подведением здания под крышу высшего образования, которую закономерно венчала бы подготовка вузом преподавателей специальных экономических/коммерческих дисциплин [39].

Отказ от достройки системы экономического/коммерческого образования в регионе и, более того, разрушение ее фундамента — образования среднего специального, как и возведение «новодела» на пустыре¹² юридического факультета университета, стали не только зримыми результатами победы последнего в борьбе за скудные бюджетные средства. Они же — не столь очевидные для современников шаги на пути, ведущем к появлению «язвы» теперь уже экфака, лечение которой в ходе второй («сталинской»)

¹¹ Как представляется, за упомянутой «альтернативностью» скрывается серьезная научная проблема. История экономического образования, однако, привычно находится в тени истории экономической науки (хуже того — истории экономической мысли). Автор единственной обнаруженной нами в постсоветской историографии работы (соискатель, заметим, степени кандидата не экономических или исторических, а педагогических наук), специально посвященной досоветской истории высшего экономического образования, выделяет в последней три этапа. Первые два из них связаны с университетом, его философским и юридическим факультетами, а вот третий — с коммерческими вузами. Факт, который в работе, к сожалению, остается без внятного объяснения [81, с. 8, 13–14]. Не склонны авторы и упрощать проблему, утверждая, что всего-то «термином “коммерческий” тогда определяли все экономическое» [1, с. 10].

¹² Вряд ли можно счесть сколько-нибудь надежным фундаментом упоминавшийся выше цикл кооперативных дисциплин, будь то кооперативное право, теория и история кооперации или кооперативное строительство в Сибири.

волны индустриализации заставит прибегнуть к хирургическому вмешательству, стоившему жизни всему городскому университету. Чересчур много «язв» образовалось на теле университета, чтобы общество, вставшее на путь во многом судьбоносной для него модернизации, могло мириться с ними. Но именно борьба с «новообразованием», или «новоделом» (как именуют, нередко с иронией, копию утраченного оригинала) — имитацией встраиваемой в университетский ландшафт практико-ориентированной модели коммерческого образования под названием «экономический факультет»¹³, находилась, на наш взгляд, в эпицентре принятых государством на исходе 1920-х гг. реформ высшей школы. Именно с экфака начнутся реформы в Иргосуне, именно они станут началом его конца.

Возведение малопригодного для экономического образования строения продолжалось без малого пять лет. Столько хозяйственное отделение оставалось частью хозправфака — этого «юрфака» советского образца, медленно, но уверенно выходя из тени юридического образования, утрачивая функцию идеологической ширмы для

¹³ После знакомства с историей становления высшего экономического образования в регионе авторы не склонны считать образ университета, представавшего «на страницах печати и в руководящих документах хаотическим конгломератом различных факультетов и отделений, который должен быть реорганизован с учетом курса на всемерную индустриализацию и решение актуальных хозяйственных задач», исключительно результатом нападок «функционеров различных ведомств и идеологического актива на университет как таковой» [25, с. 48]. Университет — и Иргосун яркое тому подтверждение — давал немало поводов для подобных характеристик, отнюдь не являвшихся надуманными. Приведем одну из них в формулировке (на наш взгляд, весьма удачной) заместителя декана факультета права и местного хозяйства Иркутского университета тех лет: «...неясность академических очертаний, расплывчатость и перегруженность учебного плана, не дававшие возможности студентам сосредоточить свое внимание на специальных предметах» [80, с. 59].

него (на экфаке эта роль перейдет к отделению советского строительства) и даже выдвигая своих представителей в руководство факультета, при этом находясь, по словам последнего, в состоянии непрерывных и усиленных «исканий» учебных планов, «отвечающих целевой установке ф[акульте]та» — внимание! — на «сближение с практикой», и «новых методов преподавания» [80, с. 60–62].

«Искания» эти завершились в конечном итоге «открытием» для себя циклов (направлений специализации) — кооперативно-торгового и финансового, устраняющих главный недостаток подготовки профессиональных экономистов — «отсутствие детальной специализации в определенных практических областях» [там же, с. 62]. Вот только открытие это было «повторным», от «первоначального» его отделяло более четверти века: еще на старте XX столетия высшая коммерческая школа начала вооружать учащихся знаниями, умениями и навыками в зависимости от выбранного направления специализации, обеспечивая возможность освоения ими набора специальных дисциплин.

Отнюдь не новыми были и методы преподавания. Факт движения вперед и совершенствования уже сложившихся практик коммерческого образования подтверждают слова И.М. Камова о том, что, «базируясь на основе общего образования, промышленно-экономический институт выдвигает на первый план лабораторные и практические занятия, для чего имеют быть применены новейшие лабораторные и студийные методы преподавания»¹⁴ [39]. И, напротив, в

¹⁴ Ранее мы уже упоминали о доставшемся в наследство от коммерческого училища промышленно-экономическому институту «обширном инвентаре учебно-вспомогательных пособий», на основе которых начали функционировать кабинеты и лаборатории последнего. Здесь лишь добавим, что, по данным архивных источников, «вообще весь учебный

лучшем случае о топтании на месте, если не о движении вспять, свидетельствуют «методические искания» строителей экономического факультета университета. Ведь речь шла всего лишь о поиске оптимального соотношения между лекциями и семинарами [80, с. 60] — своеобразном продолжении дискуссии, развернувшейся в начале века на юридических факультетах тогда еще императорских университетов, или о завершившейся безрезультатно попытке «опрактичения» юридического образования [75, с. 212–226]. Единственной «новацией», о которой иначе как в кавычках и говорить не приходится, стало стремление втиснуть между чисто «книжными» кабинетами политической экономии, экономической политики или науки о финансах еще и лабораторию товароведения, совсем не вписывающуюся в архитектуру «классического» университета и к тому же давно ставшую символом образования коммерческого.

Резолюция «Об исполнении решений июльского (1928) пленума ЦК о подготовке технических кадров», принятая ноябрьским 1929 г. Пленумом ЦК ВКП(б), с ее более чем определенным сигналом в адрес занятых подготовкой экономистов высших учебных заведений — «коренным образом улучшить дело подготовки экономистов как для промышленности, так и для торговых, финансовых, плановых и статистических органов; упорядочить систему и направление экономических вузов; придать соответствующим вузам, факультетам, отделениям более определенное целевое назначение в связи с потребностями народного хозяйства; пересмотреть программы и учебные планы

инвентарь [иркутского училища]... выходил из рамок даже лучших средних учебных заведений» (цит. по: [42, с. 150]), приближая его по оснащенности учебного процесса к вузам.

применительно к целевой установке того или иного вуза, факультета, отделения» [53, с. 149] — заставила Иргосун форсировать завершение строительства «новодела». Если небольшая заметка во «Власти труда» от 17 января 1930 г. информировала общественность о начавшейся реорганизации хозправфака [78], то развернутая статья в номере от 2 февраля рапортовала уже об окончании последней и знакомила читателей со структурой и отличительными чертами его нового подразделения [64].

Реорганизация, впрочем, была как никогда далека от своего завершения. И свидетельствовала об этом отнюдь не еще одна статья с тем же примерно содержанием, но озаглавленная уже «Эфак перестраивается» [47], появившаяся месяц спустя. Инициированная сверху (Главпрофобром), перестройка была направлена на достижение цели устранения существовавшего разрыва между запросами предприятий и организаций и «продукцией» вуза или «отсутствия детальной специализации» и шла уже привычным и не ведающим своих границ путем — путем изменения существующей структуры и академического статуса подразделений. Отныне в составе самостоятельного экономического факультета вычленялись отделения (советского строительства, промышленное и торговое), в свою очередь включавшие в себя циклы (судебный и организационно-инструкторский, экономики труда и плановый, торговли и товароведения соответственно), которые, однако, могли иметь и самостоятельный статус (например, финансовый цикл). Но и на этом движение навстречу практике не завершалось, дополняясь наличием в структуре отделений и/или циклов еще и уклонов, призванных учесть, например, «характер предприятий» (их отраслевую принадлежность), для которых готовились специалисты [там же]. Так,

на финансовом цикле подобными уклонами предстояло стать бюджетно-налоговому и банковско-кредитному.

Заметим, что в подбор с вышеупомянутой статьей «Власть труда» напечатала письмо студентов — выпускников новоявленного факультета с призывом о помощи, в котором обращает на себя внимание не только и не столько факт царящей на факультете неразберихи, при желании легко объяснимой «ломкой и перестройкой» учебного процесса. Куда более важным представляется факт тонко, хотя и невольно подмеченной авторами — или же стоящими за ними сотрудниками газеты — искусственности преобразований, идущих не от жизни, потребностей практики, а от самых общих и отвлеченных о них представлений. Он нашел выражение в характеристике, даваемой студенческой группе в соответствии со специализацией не просто как «промышленной», а «сконструированной» [59], как «сконструированы» были структура факультета и учебные планы отделений, циклов и уклонов, так и не изжившие, вопреки ожиданиям, присущей им от рождения «расплывчатости» и «неясности очертаний».

Вряд ли стоило ожидать, что подведение «новодела» (экономического факультета) под новую крышу — обретение им летом 1930 г. по инициативе местных и краевых властей академического статуса института (с чисто механическим статусным ростом его подразделений) — как-то изменит ситуацию в лучшую сторону. И дело было в отсутствии у института не столько учебных площадей или литературы [32], сколько ответов на вопросы, стоявшие некогда и перед отделением факультета права и местного хозяйства, и уже перед экономическим факультетом Иргосуна: «Кого и для кого выпускать?» — и тесно с ними связанные: «Чему и как учить?» Когда же стало очевидным, что от института их не дожидаться, газета «Восточно-Сибирская

правда» разразилась статьей, заголовок и подзаголовок которой не нуждаются в комментариях — «Собираются готовить всезнающих незнаек. Экономический институт предполагает готовить экономистов вообще, а не по отдельным отраслям народного хозяйства» [79], фактически поставившей жирную точку в истории экономического института и обозначившей начало демонтажа не только его, но и городского университета в целом.

Впрочем, далеко не все подразделения экономического института разделили участь прекратившего свое существование университета. Не касаясь их всех, сосредоточим внимание лишь на том, что послужило фундаментом для Сибирского финансово-экономического института. За ничтожно короткий срок — менее чем за полгода — некогда финансовый цикл проделал путь от отделения к факультету и далее к самостоятельному институту. Назовем только два, на наш взгляд, ключевых фактора, благоприятствовавших этому. Во-первых, вновь сработала «схема» Витте¹⁵, еще на рубеже веков полагавшего, что для нормального развития экономическое образование должно располагать собственным образовательным пространством, быть изобавлено от сдерживавших его пут юридических факультетов и в целом университетской системы — обрести иной, нежели в рамках Министерства народного просвещения (или Наркомпроса), ведомственный статус. Вот и финансовое отделение уже на этапе обретения статуса (академического) финансово-экономического факультета указывает

¹⁵ Модель эта со всей очевидностью просматривалась за теми строками уже цитировавшейся нами резолюции ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК ВКП(б), что призывали «ВСНХ, Наркомторг, Наркомфин, Госплан, Центросоюз и ЦСУ... теснее связаться с наркомпросами и с вузами для обеспечения более успешной подготовки экономистов и выполнения принятых пленумом ЦК решений» [53, с. 149].

на Народный комиссариат финансов РСФСР и Госбанк СССР как на его (факультета) если не учредителей, то «организаторов», в любом случае подчеркивая факт тесной интеграции с ними, по существу определяя направление, в котором будет меняться как академический, так и административный его статус в дальнейшем.

Содержание и тон публикации в местной газете, посвященной создаваемому факультету и принадлежащей перу его организатора и первого «заведующего» Феликса Иосифовича Чудновского (1896–1983), при этом разительно отличались от уже цитировавшейся выше статьи заместителя декана факультета права и местного хозяйства. И дело отнюдь не в том, что последняя предназначалась для юбилейного сборника. Отразившая процесс движения вчерашнего юрфака к экономическому институту, она полна «расплывчатости» и «неясности очертаний» его будущей структуры, тогда как статью Чудновского, напротив, отличали четкость и даже известный схематизм, производный, однако, от ясно осознаваемых автором целей и задач — отражающих запросы практики — возглавляемого факультета. Позволим себе, иллюстрируя данный факт, обширную цитату: «Составление единого финансового плана и отдельных составных частей его: бюджета, кредитного плана, промфинплана и т. д. — является основной задачей финансистов-экономистов. Своевременное определение размеров и методов накопления, источников накопления, определение содержания, объемов и методов распределения являются задачей финансистов-экономистов. Финансовый факультет призван готовить теоретически и политически грамотных финансистов-экономистов для финорганов, банков, промышленности, товаропроводящей сети, сельского хозяйства и коммунального хозяйства и для плановых органов. В соответствии с этим на факультете имеются три отделения:

финансовое отделение, кредитно-финансовое отделение и учетно-финансовое отделение» [82].

Упомянутая публикация, озаглавленная, заметим, «Кузница кадров финансистов», указывает и на второй фактор, также способствовавший делу стремительной институционализации экономического образования именно в областях финансов и кредита.

Речь идет о фигуре Ф.И. Чудновского — чьи дальнейшие усилия привели к созданию Сибирского финансово-экономического института, первым директором которого (1930–1931) он стал, — интересной в контексте нашего исследования не столько административными или научными достижениями в достаточно короткий иркутский период его жизни, сколько полученным прежде образованием и педагогическим опытом. Отнюдь не случайно, а как раз в силу специфики последних именно «варягу», а не местному «кадру» — экономическое отделение факультета права и местного хозяйства, напомним, просуществовало в Иргосуне на тот момент почти пять лет — довелось и удалось поставить на ноги высшее экономическое образование в Иркутске. Образование же и предшествующий преподавательский опыт, насколько о том позволяет судить полная неточностей и противоречий статья Г.Ф. Сонича [69], были приобретены Ф.И. Чудновским почти исключительно в возникшей после революции (и преимущественно на базе коммерческих вузов и училищ) системе промышленно-экономического образования. Высшее финансовое образование он получил в Московском финансово-экономическом институте, на момент его окончания ставшем финансово-экономическим циклом/факультетом Московского промышленно-экономического института, где он и начал старшим ассистентом свою преподавательскую деятельность. Не будет, на наш взгляд, преувеличением

В годы Великой Отечественной войны в здании университета располагался госпиталь № 1476

Иркутский авиазавод выпускал для фронта самолеты, 1943 г.

Приказом Министерства высшего
образования СССР при Иркутском финан-
сово-экономическом институте с нового
1947—48 учебного года

О Т К Р Ы В А Е Т С Я П Л А Н О В О - Э К О Н О М И Ч Е С К И Й Ф А К У Л Ь Т Е Т

с отделениями: экономика промышленности,
экономика сельского хозяйства, экономика со-
ветской торговли.

И н с т и т у т б у д е т г о т о в и т ь в ы -
сококвалифицированных специалистов по эко-
номике и планированию торговли, сельского
хозяйства, промышленности и финансов. 285

Восточно-Сибирская правда. 1947. 7 мая

Н О В Ы Й Ф А К У Л Ь Т Е Т Ф И Н А Н С О В О - Э К О Н О М И Ч Е С К О Г О И Н С Т И Т У Т А

В этом году в Иркутском финансово-
экономическом институте открывается но-
вый планово-экономический факультет. Он
будет готовить экономистов и плановиков
промышленности, сельского хозяйства и
торговли.

В институте открывается ныне вечер-
нее отделение. Без отрыва от производст-
ва на вечернем отделении будут учиться
молодые рабочие и служащие, не имею-
щие возможности посещать дневные заня-
тия.

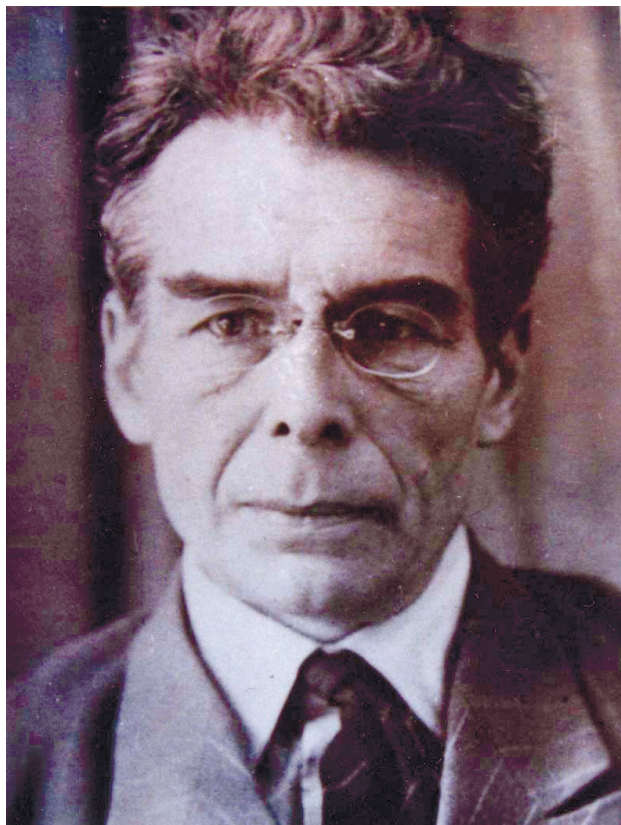
Восточно-Сибирская правда. 1947. 16 мая

Так выглядел университет в мае 1947 г.

На занятиях по военной подготовке

**Вадим Николаевич
Шерстобоев**

**Фундаментальная
научная работа
профессора В.Н. Шерстобоева
«Илимская пашня»
вышла в свет в 1949 г.
и получила
широкую известность
не только в регионе,
но и стране**

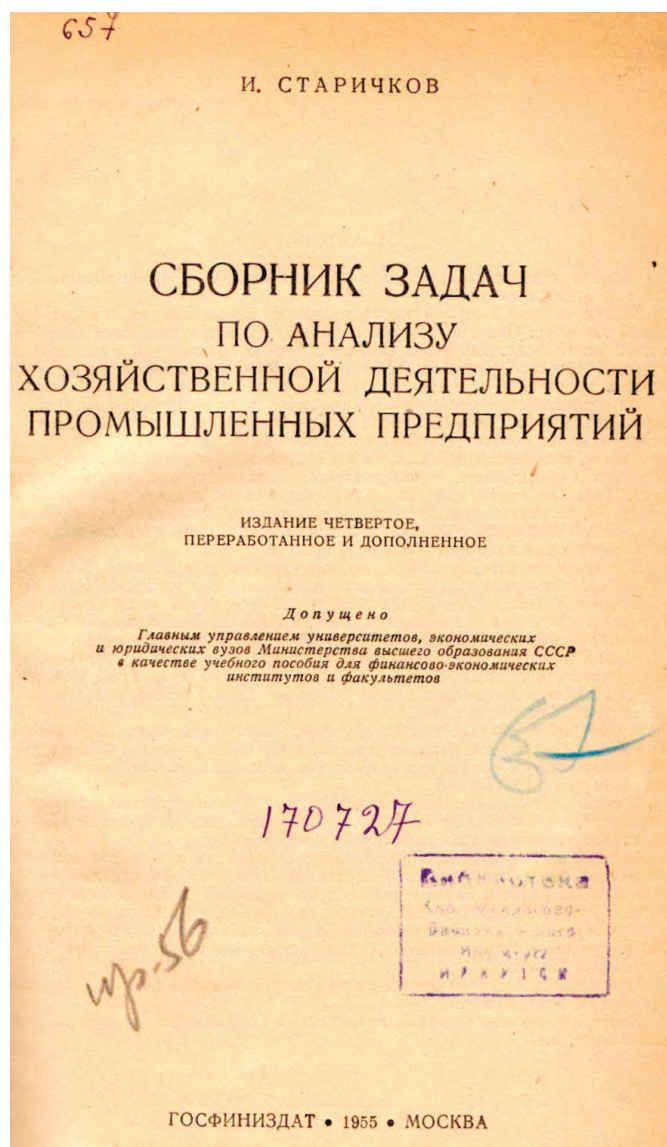

**Иван Георгиевич
Старичков**

**«Сборник задач по анализу
хозяйственной деятельности
промышленных предприятий»
заведующего кафедрой
бухгалтерского учета
и анализа
хозяйственной деятельности
И.Г. Старичкова
был рекомендован
Министерством
высшего образования СССР
как единственное пособие
для студентов вузов страны
в течение 20 лет.**

**На фото представлено
4-е издание, Москва, 1955**

Иркутский финансово-экономический институт

ОБЪЯВЛЯЕТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ
на первый курс вновь организуемого ИНЖЕНЕРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
факультета по специальности:

- а) ЭКОНОМИКА ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и
- б) ЭКОНОМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА.

Заявления направлять по адресу: Иркутск, ул. Ленина, 11, Фининститут. 673

Восточно-Сибирская правда. 1953. 12 июля

Новый факультет Иркутского финансово- экономического института

В Иркутском финансово-экономическом институте в текущем году открывается новый инженерно-экономический факультет со специальностями экономика и организация горной промышленности, экономика и организация строительной промышленности.

На первый курс нового факультета будет принято 100 человек.

Окончившим инженерно-экономический факультет присваивается квалификация инженера-экономиста.

В институте оборудуются специальные кабинеты: физики, графики и начертательной геометрии.

Намечено строительство нового студенческого общежития на 400 человек.

Восточно-Сибирская правда. 1953. 16 июля

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЭКОНОМИСТ

орган парткома, комитета влксм, профсоюзных организаций,
ректората института народного хозяйства

ОРГАН РЕКТОРАТА, ПАРТКОМА, ПРОФКОМА, ИРКУТСКОГО СТУДПРОФКОМА, КОМИТЕТА КОМСОМОЛА ИНСТИТУТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
№ 22 (325) ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 НОЯБРЯ 1989 г.

ОН НАМ НУЖЕН

На учено-экономическом вот уже более полугодя функционирует студенческий совет по самоуправлению, единственный среди факультетов ИНИХ. Сегодня наш собеседник — член совета по самоуправлению, студент гр. УБ-87-2 Дмитрий Кондратьев.

— Когда речь шла о создании подобного совета, я был решительно против. И аргументировал свое неприятие тем, что создается еще одна организация, дублирующая профком и комсомол. Дискуссия была длительной и многословной. Компромиссное решение внес член партбюро факультета Владимир Николаевич Поляков, он сказал: «Давайте попробуем!» Кстати, сомнения возникали еще и потому, что именно он и декабристы горячо поддерживали идею создания совета. Показалось странным: административная — и вдруг защита прав студента. А именно эту цель ставил перед собой вновь созданный совет.

Но вот решение принято, и с председателем совета Русланом Махматовым мы пошли по вузам набираться опыта. Начали с того, как не надо делать. То есть мы уже шли по проторенной дорожке. Может быть, поэтому и добились кое-чего. Например, деканат многие решения, касающиеся неформально студента, принимал только с визом председателя студенческого совета по самоуправлению. И сейчас студенты приходят к нам с просьбой помочь, защитить. Мы чувствуем силу. А деканат теперь практически исполняет роль юридического лица.

Например, о помощи. Совсем недавно студентка Н. обратилась с просьбой разорваться, почему она, состоящая в браке, имеющая ребенка, не получает стипендию. Как известно, студент, состоящий в браке, получает дополнительно к стипендии 20 рублей. Конечно же, решить такой вопрос можно только положительно.

Хорошее дело начали мы, оно оправдало себя. Но после отчетно-выборного комсомольского собрания из совета уходит председатель. Руслан Махматов. Он уходит в комитет комсомола. А это значит, что мы лишаемся довольно-таки сильного лидера, грамотного, знающего, что надо делать и как.

Руслан, конечно, утверждает, что там, в комитете, он нашел дело по душе — помогать детям-сиротам. Это хорошо, благородно. И все же, я считаю, он поступил по-предательски в отношении к студентам, которым он был очень нужен, именно он.

ПОМОГИТЕ МУЗЕЮ!

Иркутский институт народного хозяйства имеет славную историю. Организован он Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 11 августа 1930 года как Сибирский финансово-экономический институт. Это был первый экономический вуз на всю Сибирь и Дальний Восток. В то далекое время он имел только три отделения: бюджетное, государственных доходов и специальных банков.

6 января 1969 года институт был переименован в финансово-экономический, а в марте 1965 года — в Иркутский институт народного хозяйства.

За эти годы институт прошел большой и славный путь становления педагогического коллектива. Подготовили тысячи высококвалифицированных специалистов народного хозяйства, которые работают во всех республиках Советского Союза. С 1934 года институт подготовил более 600 специалистов для дружеской братской Монголии. В 1990 году нашему институту исполняется 60 лет.

Готовясь к юбилею, руководство и партком института решили провести реконструкцию имеющегося музея, оформить

новые экспозиции, наиболее полно отражающие историю института, каждого его факультета.

Художественный фонд завершает разработку тематического плана оборудования и оформления музея. Однако в этой подготовительной работе мы столкнулись с очень большими трудностями — у нас крайне мало экспонатов для развешивания, содержания экспозиций. Нет необходимых материалов и в областных архивах. Таким образом, создать полноценный музей можно только с помощью его коллектива — от профессора до лаборанта, от ветерана до студента.

К сожалению, активности в этом патристическом деле пока не проявляется. На письма и просьбы к ветеранам, опубликованные в «Экономисте», откликнулись всего несколько человек. Это Валентина Георгиевна Иванникова (сдала в музей ортекинку, которой пользовались при обучении студентов в прошлые годы), ветеран института доцент Машуков Евгений Николаевич, его выпускник, бывший управляющий областной контрольной Госбанка СССР Илюкин Сергей Биченин, сдала интересные коллекционные фотографии прошлых лет, которые

музей не располагал. Вот, пожалуй, и все.

Медленно выполняется приказ ректора института, объявляющий деканов, зав. кафедрами и нач. отделов оформить исторические справки своих коллективов. Совет музея настоятельно просит всех членов коллектива принять самое активное участие в создании фондов музея.

Музей принимает и будет экспонировать, хранить, изучать и публиковать материалы по истории создания и развития института.

Мы еще раз обращаемся ко всем сотрудникам — ветеранам и студентам — выберите время, пересмотрите ваши домашние архивы, в них непременно есть материалы, отражающие историю института. Это могут быть:

— Дипломы, аттестаты, удостоверения, свидетельства, справки, схемы, рукописи статей и книг, письма, конспекты известных ученых или заслуженных выпускников института, воспоминания, характеристики и т. д.

— фотографии и негативы, отражающие все стороны жизни института во все времена, особенно в период Великой Отечественной войны 1941 —

1945 годов, когда в институте располагался военный госпиталь, фотографии выпускников института;

— фотоматериалы, отражающие работу научных симпозиумов, конференций, конгрессов, участниками которых были сотрудники и выпускники института;

— приборы, инструменты, ортекинку, имеющие историческую ценность; — книги, статьи, плакаты, листовки, открытки разных лет; — памятные материальные вещи, ордена, медали, значки; — вымпелы, кубки, подарки иностранных делегаций, сувениры;

— предметы увлечения — рисунки, подделки и т. д.

Просьба к ветеранам прислать свои биографии, воспоминания (написанные или записанные на магнитофонную ленту). Все материалы музей принимает по акту и гарантирует их сохранность. Со всеми предложениями обращайтесь по адресу: г. Иркутск, ул. Ленина, 11, комната 216 «В», тел. 2-97 через коммунатор института, в музей истории института.

П. МОСКОВСКИХ,
директор музея истории ИНИХ.

В ПАРТКОМЕ ИНСТИТУТА

На заседании партийного комитета был рассмотрен организационный вопрос.

Партийный комитет удовлетворил просьбу т. Левченко В. М. об освобождении от

обязанностей секретаря парткома.

Для избрания секретарем парткома были выдвинуты кандидатуры тт. Елькина В. А., председателя профкома института, Полякова В. Н., доцента кафедры философии, Соича Г. Ф., доцента кафедры истории КПСС.

В результате тайного голосования секретарем партийного комитета избран Соич Г. Ф.

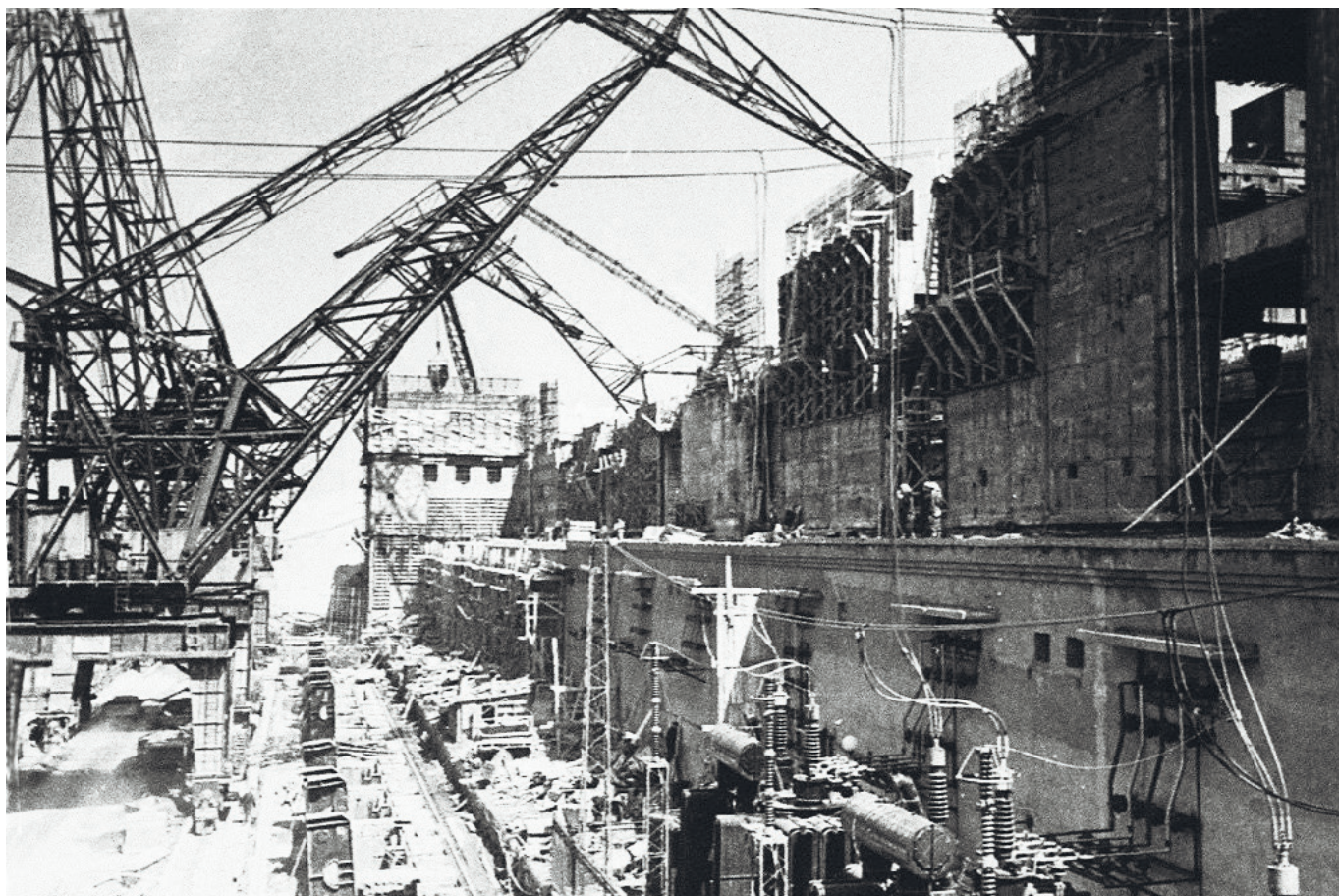
КАКОЕ ТЫ, ПЕРВОКУРСНИК-89? — 2 СТ.
О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ СТУДЕНТОВ РАССКАЗЫВАЮТ ПРЕПОДАВАТЕЛИ — 3 СТ.
УЧЕНЫЕ ШУТЯТ О ДЕ-

МАГОНИ, НО В КАЖДОМ ШУТКЕ... — 3 СТ.
СЕГОДНЯ В ЖАНРЕ СКАЗКИ ДЕБЮТИРУЕТ СТУДЕНТКА ИГУ, НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ЕВГЕНИЯ МАТАПОВА — 4 СТ.
ЧЕЛОВЕКОМ, ДОБРЫМ, БЛАГОРОДНЫМ, ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ НАДО БЫТЬ ВСЕГДА. А НА РАБОТЕ — ТЕМ БОЛЕЕ. А ЧТО ДУМАЮТ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ РУКОВОДИТЕЛИ? КАК ЛИ ДУМАЮТ? — 4 СТ.

С 1947 г. в университете выходила стенгазета «Экономист», которая с середины 1950-х гг. стала печатным изданием

Духовой оркестр вуза, 1955 г.

Строительство Иркутской ГЭС, конец 1950-х гг.

**Павел Клеоникович
Соколов**

Доцент П. К. СОКОЛОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭКОНОМИКИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Иркутская область занимает центральную часть Восточной Сибири и граничит со всеми республиками и областями, территориально входящими в состав этого географического объединения.

Огромная территория Иркутской области (782 тыс. кв. км), если сравнить ее с другими административно-территориальными единицами Сибири, не покажется чрезмерно большой. Она составляет всего лишь 1/10 часть площади Восточной Сибири.

Еще недавно, всего за два десятка лет до Октябрьской революции, связь между Восточной Сибирью и европейской частью России поддерживалась только на лошадях.

Об условиях передвижения в то время по основной сибирской магистрали — Московскому тракту, который шел через Пермь—Тюмень—Омск—Томск—Иркутск, рассказывает А. П. Чехов, проехавший по нему в 1890 году, направляясь на Сахалин.

«Сибирский тракт, — пишет Чехов, — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете. От Тюмени до Томска, благодаря не чиновникам, а природным условиям местности, она еще сносна... От Томска же начинается тайга и холмы: сохнет почва здесь не скоро, выбирать окольный путь не из чего, поневоле приходится ехать по тракту... почтовые телеги по 10—20 часов простаивают в грязи около разных Козулук и Чернореченских, которым нет числа».¹

Слабая связь между центральной Россией и Сибирью отражала общий низкий уровень хозяйственного развития царской России.

И, действительно, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции Восточная Сибирь находилась на положе-

**Фрагмент статьи
«Краткий очерк
экономики
Иркутской
области»**

¹ А. П. Чехов. Соч., т. X, Москва, 1948, стр. 361, 363.

Институт народного хозяйства

На днях коллектив Иркутского финансово-экономического института собрался на митинг, посвященный знаменательному событию в его жизни — постановлением Совета Министров СССР институт переименован в Иркутский институт народного хозяйства.

В своем выступлении ректор института профессор В. Н. Должных подчеркнул, что изменение названия означает не простую смену вывески, а перестройку всей учебной и научно-исследовательской работы.

Иркутский институт народного хозяйства — единственное высшее экономическое учебное заведение от Владивостока до Казани, и перед ним поистине непочатый край работы.

Быстрые темпы развития про-

мышленности Сибири и Дальнего Востока настоятельно требуют подготовки высококвалифицированных кадров, способных возглавить экономическую работу предприятий. Не сокращая финансовых и плановых специальностей, главное внимание институт будет обращать на подготовку инженерно-экономических кадров — по специальностям экономики и организации строительства, экономики горнорудной промышленности, экономики автотранспорта. В ближайшие годы будут открыты отделения экономики машиностроения, механической обработки экономической информации.

Вся научно-исследовательская работа института будет еще теснее связана с актуальными нуждами промышленности.

Восточно-Сибирская правда. 1965. 18 марта

Иркутский институт народного хозяйства, 1960-е гг.

**Вениамин Николаевич
Должных**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВУЗ СПРАШИВАЮТ— ОТВЕЧАЕМ **ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ**

Недавно мы сообщали о том, что Иркутский финансово-экономический институт переименован в Институт народного хозяйства. В связи с этим ряд читателей интересуется структурой и характером работы нового вуза. Ответить на этот вопрос мы попросили ректора института профессора В. Н. Должных.

Решением правительства Иркутский финансово-экономический институт переименован в Институт народного хозяйства. Этим актом юридически закреплено фактическое превращение отраслевого финансового института в экономический вуз широкого профиля. Прежнее название института уже много лет не соответствовало комплексному характеру всесибирского экономического института. Бурное развитие экономики Сибири потребовало большого ко-

личества высококвалифицированных экономистов и инженеров-экономистов по многим отраслям хозяйства. Наряду с подготовкой экономистов по финансам в институте за последнее время была организована подготовка экономистов по планированию отраслей народного хозяйства, а затем инженеров-экономистов по важнейшим для Сибири отраслям промышленности, строительства и транспорта. Из 9 специальностей, по которым в последние годы ведется подготовка экономистов, чисто финансовой является всего одна специальность — финансы и кредит. Каждому ясно, что называть институт финансово-экономическим всего из-за одной такой специальности, игнорируя восемь других, было совершенно неоправданным. Теперь это несоответствие названия института его фактическому профилю устранено.

**Фрагмент статьи профессора В.Н. Должных
«Экономический вуз широкого профиля»
(Восточно-Сибирская правда. 1965. 10 апр.)**

Практические занятия, 1980 г.

**Один из авторов либеральных экономических реформ
Егор Гайдар со студентами Байкальского университета, 1995 г.**

Первый компьютерный класс, 1990 г.

Лабораторные занятия по лесному делу, 2014 г.

**ВЫПУСКНИКИ БАЙКАЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА
ВОСТРЕБОВАНЫ ВО ВСЕХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА**

Ангарская нефтехимическая компания, 2009 г.

На буровой Иркутской нефтяной компании, 2011 г.

Иркутский авиазавод, 2017 г.

Порт Осетрово, Усть-Кут, 2014 г.

На Всероссийском историческом диктанте, 2016 г.

Весенний студенческий бал, 2017 г.

Весенний студенческий бал, 2017 г.

**Выступление студенческого ансамбля
на Весеннем студенческом бале, 2017 г.**

Современные корпуса Байкальского госуниверситета

Исторический корпус Байкальского госуниверситета построен в конце XIX в. как Александро-Мариинское училище в честь 25-летия супружества августейшей четы императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Является памятником архитектуры. Силуэт здания стал официальной эмблемой Байкальского университета

На практических занятиях, 2016 г.

**Студенты Байкальского госуниверситета
ежегодно участвуют в соревнованиях «Лыжня России»**

Выпускницы 2017 г.

**ВЫДАЮЩИЕСЯ ВЫПУСКНИКИ
БАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Юмжагийн Цеденбал — руководитель
Монгольской народной революционной партии
и Монгольской Народной Республики с 1940 по 1984 г., маршал МНР**

**Сергей Чemezov — генеральный директор
Государственной корпорации «Ростех»,
председатель Общероссийской общественной организации
«Союз машиностроителей России», генерал-полковник**

сказать, что практико-ориентированное коммерческое, а равно и промышленно-экономическое образование спустя годы в лице Чудновского «возвратилось» в Иркутск, вернув некогда захваченные у него городским университетом позиции.

Торжественное открытие Сибирского финансово-экономического института было приурочено к празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской революции (8 ноября 1930 г.), но отмечено отнюдь не вручением студенческих билетов первокурсникам, а первым выпуском «банковцев и финансистов», начинавших свое обучение еще на финансовом факультете. Сообщавшая об этом событии краевая газета, делая акцент на слове «сибирский» в названии вуза, не без гордости добавляла, что «институт обслуживает Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Тихоокеанский края, Бурят-Монголию, Якутию и Ойротию. С открытием института заполнится прорыв в подготовке финансовых кадров для Сибири и Дальнего Востока» [55]. Примечательно, что на той же газетной полосе, но в разделе объявлений, приглашая на подготовительные курсы, подавал признаки жизни Восточно-Сибирский экономический институт — все еще остававшаяся «бесхозной» и ожидающая организационно-методической, а главное, финансовой поддержки Народного комиссариата торговли, в чье ведение ей предстояло отойти, часть экономического института Иргосуна.

До последнего будет цепляться за жизнь и сам Иргосун, надеясь вступить в новый учебный год в составе едва ли не двух факультетов — советского строительства и права, а также рабочего. Однако слово «ликвидация» уже прозвучало. На страницах все той же «Восточки» 12 августа 1930 г. было опубликовано объявление, из содержания которого чаще предпочитают выхватывать выделенную жирным

шрифтом информацию о факте реорганизации университета «в три самостоятельных института» и тем акцентировать внимание всего лишь на переменах в академическом статусе последних, при этом отодвигая на задний план упомянутый в тексте факт предстоящей их передачи в ведение «соответствующих Наркоматов», т. е. изменения ведомственного статуса, и совсем игнорируя присутствие в объявлении «формулы» сообщения о ликвидации самого университета как юридического лица, включая крайний срок — до 1 сентября 1930 г. — предъявления претензий.

Не приходится сомневаться, что 1930/31 учебный год стал одним из самых непростых в истории высшей школы города. Увереннее других, пожалуй, чувствовали себя на его образовательном пространстве Восточно-Сибирский медицинский и Сибирский финансово-экономический институты, ранее других ощутившие вкус свободы. Последний, хотя и не развернул всех трех своих отделений, дважды в год (осенью и весной) набирал слушателей на два из них — финансовое и кредитное. Много меньше повезло педфаку и факультету советского строительства и права — их университет до последнего не будет отпускать из своих цепких объятий¹⁶.

Куда более оптимистично, а главное, разнообразнее, оставив далеко позади в этом отношении «рекордный» 1921/22 учебный год и вновь демонстрируя — теперь уже абсолютный — перевес «практических» высших учебных заведений, выглядело это пространство в канун следующего, 1931/32 учебного года. Помимо уже упомя-

¹⁶ Причина этого очевидна — стремление во что бы то ни стало сохранить минимальный набор факультетов, в число которых вряд ли стоит включать рабфак. М.Д. Карпачев, например, как раз поместил Иркутский университет в разряд тех, что были закрыты «в связи с полной утратой факультетов» [41, с. 128–129].

нутых вузов, на нем появились Сибирский институт советского строительства, Сибирский институт советского права, Иркутский индустриально-педагогический институт, Восточно-Сибирский институт обмена и распределения. В этот ряд с полным на то основанием можно поставить и наследника упоминавшегося нами ранее Ирполприна — Сибирский горный институт. И лишь один новый вуз — Восточно-Сибирский государственный университет — должен быть оставлен за его пределами. Впрочем, точнее будет сказать, что он сам поставил себя вне его, в полном соответствии, заметим, с буквой и духом постановления СНК РСФСР «О реорганизации государственных университетов» от 13 июля 1931 г. № 752, которым был создан.

Было бы, конечно же, преувеличением — в связи с новым пришествием университета на образовательное пространство города — вести речь о повторении ситуации десятилетней давности, о новом витке противостояния «храма науки» и «фабрик кадров». Не только станут различными на тот момент их «весовые категории», но и упомянутое постановление достаточно четко разведет их целевые установки. Куда более интересной и поучительной в контексте предпринятого исследования представляется нам поэтому борьба двух университетов — «нового» и «старого», а если учесть последующее неистребимое стремление наводить мосты между ними, рассматривать как этапы жизни одного организма или соединять разрывы истории с помощью универсального клея «университетской традиции» — борьба с собственным прошлым, которая стала еще одной формой противостояния научной и практико-ориентированной моделей развития высшей школы.

Предваряя начало набора в новый университет осенью 1931 г., его директор Г.К. Русаков в опубликованной

в краевой газете статье достаточно популярно донес до читателей идеи постановления Совнаркома, по возможности адаптировав их к местным условиям. С одной стороны, новому университету предстояло занять свою достаточно скромную нишу на образовательном пространстве региона, осуществляя подготовку не «педагогов, врачей и хозяйственников», а научных работников «по ряду натуралистических», т. е. естественно-научных, дисциплин. С другой стороны, вуз позиционировал себя как учебное заведение, готовящее не просто кадры «исследователей территориальных пространств Восточной Сибири», но «кадры для кадров», кадры для «развертывания сети учебных институтов и научно-исследовательских учреждений» естественно-научного профиля. Борьба с прошлым в данной статье выразилась лишь в противопоставлении структур «открытого в 1931 году» университета и университета, «когда-то существовавшего» (sic!) в Иркутске и готовившего медиков, педагогов и юристов, да в заслуживающем быть помещенным в один ряд с ним упоминании «открытого в недавнее время (!) Томского университета» [65].

Следующая статья, появившаяся уже на страницах первого номера «Трудов Восточно-Сибирского государственного университета» (новый вуз начал, разумеется, и новый их отсчет)¹⁷, не только подводила — если отталкиваться лишь от названия — итоги первого года работы, но и указывала на иные характеристики последнего. Университет объявлялся не просто «фабрикой советских ученых», но «высшим звеном теоретического знания» в системе высшей школы, в которую постановление включило, помимо

¹⁷ Мало чем отличающаяся версия этой статьи в следующем году была опубликована в издававшемся в Иркутске литературно-художественном и краеведческом журнале «Будущая Сибирь» [67].

университета, еще вузы и втузы (институты). Указанная статья воскрешает в памяти многочисленные публикации рубежа веков, посвященные университетскому вопросу — назревшей потребности региона в «храме науки». Совсем в духе данных публикаций ее автор утверждает, что «грандиозные исследования производительных сил Восточной Сибири могут быть произведены не заезжими исследователями, которые были и будут мимолетными гостями, не могущими в силу недостатка времени, при всем своем желании, охватить изучаемые явления во всей их полноте и глубине и вести систематические исследования, а лишь своими исследователями, проникнутыми интересами своего края, гордыми его развитием» [66, с. 7].

«Когда-то существовавший» в городе «храм науки» — Иргосун — дождался, наконец, в статье некогда столь желанной характеристики «старого университета», являвшейся для его отцов-основателей синонимом «классического». Создатели «молодого университета» иначе смотрели на этот вопрос: давая подобную характеристику, они действительно ставили его с университетами дореволюционными в один ряд, построенный, однако, в соответствии с другим признаком — целевой установкой быть «фабрикой спецов». Не довольствуясь этим, автор статьи «роется в архиве старого университета», доставая оттуда на свет божий документы, призванные бросить тень отнюдь не на один лишь досоветский период истории Иргосуна. Занявший чуть более двух из двенадцати лет его существования период, когда университет играл роль «фабрики кадров для буржуазии», объявляется автором долгим¹⁸ [там же, с. 12], заметим, непростительно

¹⁸ Очевидно, заметив указанное несоответствие при подготовке текста статьи для публикации в журнале «Будущая Сибирь», редакторы соч-

долгим, затянувшимся в том числе по вине НЭПа и завершившимся фактически лишь с их (и НЭПа, и Иргосуна) естественной и закономерной кончиной.

Раздел объявлений краевой газеты тех лет пестрел заявлениями о разрыве отношений с родственниками по идеологическим мотивам. Вот и «молодой университет» совсем в духе времени отрекся от «старого» как осквернившего «храм науки» и превратившего его в «фабрику кадров», хотя и не преминул предъявить свои права на часть его наследства, будучи создан на базе кабинетов педфака — тех самых, что некогда стали символом чисто научных устремлений предшественника. Начав со скромных претензий на особый академический статус «очага научно-исследовательской работы, очага подготовки научных кадров по естественно-научным и математическим специальностям» [66, с. 8], он со временем, подобно последнему встраиваясь «органическим звеном в систему государственного аппарата власти», двинется в сторону обретения особого административного статуса производителя региональной элиты — советского «классического» университета.

ли необходимым восстановить, как пропущенную автором, отрицательную частицу «не» [67, с. 91].

3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ И РЕГИОНА: ОТВЕТ НА МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Начатый авторами разговор, касающийся экономического образования как исключительно важного, если не решающего, средства модернизационных преобразований в XX столетии, будет неполным без обращения к анализу так называемого хрущевского десятилетия (а то и, принимая во внимание инерционность инициированных в те годы процессов, пятнадцатилетия). Этот период представляет немалый интерес с указанной точки зрения и испытывает явный дефицит специального исследовательского внимания.

Констатируя позднеиндустриальный характер преобразований, обнаруживая признаки движения к постиндустриальному обществу в качестве свидетельства предельно сократившегося отставания СССР/России от Запада или, напротив, отмечая потенциальные возможности отката от догоняющего пути модернизации в пользу опережающего развития, последователи модернизационной парадигмы не спешат обратиться к содержательной стороне образовательных реформ. В этом отношении они ничем не отличаются от историков науки и образования, рассматривающих 1950-е и первую половину 1960-х гг. всего лишь в качестве удобного для организации материала «послевоенного» или «послесталинского» периода советской эпохи, если чем и характеризовавшегося, так непоследовательностью и противоречивостью государственной образовательной политики.

Мало помогает заимствованная из партийных документов эпохи «формула» этой политики как нацеленной на «усиление практической направленности обучения и укрепление связи высшей школы с жизнью». Как без труда заметит внимательный читатель, она в полном объеме может быть использована для характеристики и предшествующих («виттевской» и «сталинской») волн модернизации, разве что заставит предположить: импульс движения в данном направлении угас и нуждался в усилении. Некоторые исследователи определенно указывают на известный возврат в 1920-е гг. с характерным для них лозунгом «За тесную связь учебы с производством». Кроме того, «формула» эта, будучи взята на вооружение историками, просто вынуждает их скользить по поверхности, перечисляя решения партийно-государственных органов и иллюстрируя последние свидетельствами из исторических источников (новые правила приема в вузы и распределения молодых специалистов, расширение заочного/вечернего образования и возвращение рабфаков, организация производственной практики и т. п.) (см., напр.: [37; 45; 61]).

Куда больше аналитических возможностей предоставляет, на наш взгляд, принцип политехнизации, положенный в основание образовательной политики середины минувшего столетия. Принцип, который выступает, однако, не только — как на том настаивает педагогическая наука — принципом обучения, дидактики, позволяющим осуществлять политехническую (практическую или профессиональную) ориентацию образовательного процесса, но и принципом, формирующим предметное содержание науки. В нашем случае — науки экономической, которая, невзирая на свободу, обретенную за пределами юридических факультетов университетов, и свое

бытование в недрах уже специализированных (отраслевых) экономических вузов, все еще находилась в состоянии поиска своего места в образовательном пространстве, а главное — прочных в нем оснований. Прежде чем обратиться к обретениям и потерям на этом пути высшей экономической школы региона интересующего нас периода, следует коснуться предыстории вопроса, тем более что события предшествующих периодов не давали повода для рассмотрения исторического материала под обретшим актуальность углом зрения в предыдущих разделах.

За точку отсчета такого рассмотрения следует принять «Проект общего нормального плана промышленного образования в России» (1886), разработанный особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию (при самом активном участии И.А. Вышнеградского). Проект реформы технического и профессионального образования предусматривал, в частности, подготовку «коммерчески образованных руководителей промышленного дела». Последние, «понимая его техническую сущность, могли бы вести самостоятельно собственно-торговую сторону промышленного предприятия, действующего даже в самых обширных размерах, и... имели бы достаточные технические познания, чтобы здраво и с ясным пониманием всех условий обсуждать предположения, делаемые инженерами, и правильно подводить итоги годам и расходам, с исполнением таких предположений сопряженным» [60, с. 4].

В параграфе «Значение соединения коммерческих знаний с техническими» проект указывал на важность как коммерческой подготовки, «облегчающей изучение рынков, правильную оценку явлений, на них происходящих, и степени их влияния на торговлю промышленны-

ми изделиями», так и наличия у промышленника «ясного представления техники его дела», полагая таковое знание уже не только залогом коммерческого успеха конкретно-го «индустриала», но и делом государственной важности, позволяющим избежать зависимости от иностранного технического персонала, дающим возможность отечественной промышленности стать «гораздо более национальной» [60, с. 56–58]. Коммерческим и техническим знаниям надлежало соединиться в рамках «специальной школы», предназначенной «для сообщения собственно прикладных знаний» и собравшей их в три цикла — языковой, коммерческий и технический. Помимо трех иностранных языков ее слушателям предстояло изучить в рамках коммерческого цикла товароведение, бухгалтерию, коммерческое счисление, корреспонденцию, коммерческую географию и статистику, коммерческое законоведение, промышленную статистику, промышленное законоведение и венчавшие его основания политической экономии, а цикла технического — механику и прикладную физику, строительное искусство и основания архитектуры, механическую и химическую технологию, начертательную геометрию и черчение [там же, с. 69–71].

Только на макроуровне «специальной школы» соединение коммерческих и технических знаний может показаться чисто механическим. Совершенно иначе ситуация выглядит с позиции отдельной дисциплины, такой, например, как бухгалтерский учет. Если на значительной массе промышленных предприятий не удалось наладить должный учет и контроль расходов, полагали составители документа, то причина этого коренится отнюдь не в недостатке у ответственных за это лиц «надлежащих знаний, ловкости и быстроты в счетных соображениях». Причина заключается в отсутствии у них такого понима-

ния технологии производства, его потребностей в материалах и рабочей силе, с помощью которого они «могли бы действительно и самостоятельно проверять сообщаемые им из мастерских цифры, вместо того, чтобы ограничиваться, как теперь, только безразличным записыванием в книги готовых чисел, не рассматривая того, верны они или неверны, и относясь к ним исключительно как к слагаемым, долженствующим входить в известную сумму». И хотя обладание школьными технологическими знаниями не в состоянии было решить все проблемы подготовки бухгалтера к практической деятельности на предприятии, оно вооружало выпускников специальной школы «средством, облегчающим приобретение практических сведений, нужных им при работе в промышленных учреждениях» [60, с. 58].

Поскольку, даже будучи утвержденным Государственным Советом, «Проект...» по большей части так проектом и остался, практические шаги по претворению в жизнь одной из ключевых его идей — соединения экономических/коммерческих и технических знаний — суждено было сделать преемнику И.А. Вышнеградского на посту министра финансов — С.Ю. Витте. В создаваемом по его инициативе «по типу университета» Санкт-Петербургском политехническом институте, его экономическом отделении, на первый план вышел, однако, уже цикл экономических дисциплин с политической экономией во главе. Подготовка «деятелей как для крупных торговых и промышленных предприятий, так и для государственных учреждений, регулирующих или иначе соприкасающихся с народно-экономической жизнью» лишь дополнялась «знакомством» с «предметами торгового и промышленного оборота — продуктами и товарами, их физическими и химическими свойствами, со способами организации

учета торговых и промышленных предприятий и с новыми языками». И обеспечивалось это знакомство введением в структуру учебного плана отделения дисциплин коммерческого цикла: товароведения с механической и химической технологией, физики и химии, счетоведения, коммерческих и финансовых вычислений с теорией вероятности, а также немецкого, французского и английского языков [14, с. 48].

Отвечая на возражения, возникшие в недрах Министерства народного просвещения по поводу проектируемого учебного заведения нового типа и его экономического отделения, — против «соединения в голове одного и того же учащегося столь разнохарактерных знаний», С.Ю. Витте призвал не усматривать суть перемен «лишь в “некоторой комбинации” наук прикладных и чистых»¹⁹. Отличие образования, получаемого на экономическом отделении политехнического института, от такового же на юридических факультетах университетов следовало видеть в «коренном изменении содержания всей учебной программы, с заменой одних дисциплин другими и перемещением их взаимной роли, как по числу уделяемых на преподавание часов, так и по характеру изучения отдельных предметов» [15, с. 27].

Речь, стало быть, шла не только и не столько о смещении в учебной программе акцента с юридических на экономические, а с последних на коммерческие дисциплины. Новое качество программа экономической подготовки должна была получить благодаря установлению

¹⁹ И.Д. Афанасенко называет авторами ответа на критику Министерства просвещения от имени Министерства финансов разработчиков проекта создания Санкт-Петербургского политехнического института А.С. Посникова и А.Г. Гусакова [1, с. 14].

тесной связи, если не единства, между «обществоведением» (политическая экономия и связанные с ней как «государственной наукой» правовые дисциплины), «торговым/коммерческим обществоведением» (прикладная политическая экономия, экономия торговли) и «торговым/коммерческим естествоведением» (товароведение и связанные с ним дисциплины)²⁰. Единства, обнаружить которое можно лишь в том случае, если рассматривать перечисленные дисциплины не в качестве маркеров отдельных специальностей, а в качестве поставляющих «материал, объединенный научным методом» [15, с. 32], т. е. на уровне научной экономической методологии.

Будучи сформулирована в предельно общей форме, идея безусловно нуждалась и в развитии, и в разъяснениях, которые не заставили себя долго ждать, прозвучав со страниц «Известий», к изданию которых приступил институт. В своей статье 1904 г. «Задачи экономического отделения С.-Петербургского политехнического института» профессор В.Э. Ден подчеркивал: «Науки технические и экономические, при всей своей разнородности, имеют и немало точек соприкосновения: предмет изучения у них, строго говоря, один и тот же — хозяйственная деятельность людей, и различия между ними заключаются лишь в той точке зрения, с которой каждая из этих двух дисциплин этот предмет рассматривает. Технические науки изучают хозяйственную деятельность людей с точки зрения целесообразности тех приемов, которыми человек пользуется при удовлетворении своих потребностей. Экономические науки изучают ее с точки зрения тех общественных отношений, которые на ее почве возникают.

²⁰ Понятия «торговое обществоведение» и «торговое естествоведение» были введены в оборот А.Ф. Фортунатовым [77, с. 28].

В практической деятельности обе эти стороны нераздельны. Отдавая себя той или другой отрасли хозяйственной деятельности и применяя к ней те или другие технические приемы, каждый человек вместе с тем втягивается в те общественные отношения, которые связывают совместно хозяйствующих людей бесчисленным множеством нитей. Поэтому желательно, чтобы каждый техник по образованию был в известной мере экономистом, а экономист — техником» (цит. по: [1, с. 12]).

Предложенное В.Э. Деном объяснение природы связи дисциплин учебного плана экономического отделения со всей очевидностью указывало на методологию экономического материализма с материальным производством как основой социальной жизни (социально-экономические отношения) и «технологией» последнего в качестве экономического фактора в узком смысле (технико-экономические отношения), обуславливающего содержательное понимание предмета экономической науки. Диалектическому материализму продолжал, однако, противостоять материализм «механический», как уже отмечалось, отождествлявший специальное и прикладное знание и делавший акцент на «практицизме» преподавания, воплощенном в структуре учебного плана отделения и иерархии его «теоретических» (экономических) и «прикладных» (коммерческих) дисциплин. «Наряду с очень серьезной экономической и юридической теоретической подготовкой, много времени было посвящено и прикладной экономике. Достаточно упомянуть о таких курсах, как “денежное обращение”, “банки и биржа”, “экономика промышленности, торговли, страхования, транспорта” и т. д. Вводились и эпизодиче-

ские курсы. ...Цель наших программ заключалась в том, чтобы научно осмыслить жизнь» [3, с. 9]²¹.

Вторая из указанных точек зрения на траекторию развития высшего экономического образования станет основной. Именно ей, за редким исключением (да и то не касающимся всей их образовательной программы), будут следовать выросшие из коммерческих курсов дореволюционные коммерческие вузы, созданные большей частью на базе коммерческих училищ послереволюционные промышленно-экономические институты, появившиеся в структуре университетов экономические факультеты. Именно ей будет следовать и экономическое отделение Санкт-Петербургского политехнического института. Товароведение, знакомившее учащихся с основами механической и химической технологий как определяющих происхождение товаров и формирующих их свойства, останется хотя и сердцевиной, но всего лишь коммерческого цикла дисциплин, никоим образом не претендуя на роль связующего начала между последним и циклом экономическим. Хотя нередко и с явным расчетом на это отдельные вузы и демонстрировали гипертрофированное развитие «коммерческого естествоведения». Как это было, например, в том же Иркутском университете незадолго до его ликвидации, где из обычной лаборатории/кабинета товароведения экономического фа-

²¹ Давались и иные, «идеалистические», объяснения, точнее же — отдававшие приоритет не структуре образовательной программы, а «перекрестному опылению» по ходу образовательного процесса: «Нас иногда называли в насмешку “полутехническим” институтом. Говорили о несовместимости технических отделений с экономическим. Но эти опасения были совершенно неосновательными: напротив, симбиоз оказался очень полезным и для техников, и для нас, экономистов. Мы от них учились жизни; они от нас университетским традициям. Мы становились более жизненными, они — более академическими. Все, кто переживал эти годы, мог заметить, как постепенно менялись и те и другие» [30, с. 22].

культета была создана общеуниверситетская структура — промышленно-экономическое бюро, состоящее из шести (!) отделов (технологического, товароведческого, химико-технического, механического, фабрично-заводской гигиены и научной организации труда) [70, с. 95]. Впрочем, «экономическим» (да и «промышленным») так и не ставшее. Как и не могло стать таковым вне содержательного понимания экономического и коммерческое образование в целом.

Исторический экскурс, предпринятый нами, имел одной из своих целей продемонстрировать явственно обозначившийся к началу XX столетия на волне первой индустриальной модернизации вектор развития высшей школы России: не только возникновение и рост числа народно-хозяйственных учебных заведений, но и рождение новой организационной их формы — многофакультетного политехнического вуза/института. Политехникума, ставшего, как утверждает авторитетный специалист в области истории высшей школы А.Е. Иванов, «главным объектом правительственной политики в области высшего народно-хозяйственного образования» [33, с. 269]. Политехникума (или «полутехникума»), который, реализуя идею политехнизма образования, различными путями сочетал, помимо прочего, инженерное/техническое и коммерческое образование²²,

²² Февральская революция, положившая начало новому витку реформ высшей школы, породила очень близкий политехникуму проект учебного заведения нового типа — своеобразный «научно-прикладной» университет. И отработать новую модель, предусматривавшую наличие в структуре вуза, помимо горно-металлургического и инженерно-строительного, еще и экономического факультета, предполагалось как раз на вновь создаваемом Иркутском университете [33, с. 271]. Не только оппозиция проекту в Комиссии по реформе высшей школы Временного правительства, но и «демократическая контрреволюция» в Сибири привела, однако, к открытию в Иркутске городского «классического» университета.

тем самым содействуя промышленному развитию, что, однако, не привело к становлению полноценного экономического образования и высшей экономической школы.

Столь же безуспешными оказались попытки уже новой, в еще большей степени находившейся в плену идеологии политехнизма власти сделать это в рамках промышленно-экономических (практических) институтов²³ или же бесконечно реформируемых — в плане их сближения с практикой — экономических факультетов университетов. С этой точки зрения следует признать ущербным и отличавший вторую волну индустриальной модернизации опыт создания ведомственных высших экономических учебных заведений. Обращаясь к истории высшей школы региона, напомним, что в результате ликвидации экономического факультета Иргосуна на основе соответствующих его отделений возникли финансовый и торговый (просуществовавший до 1937 г.), т. е. в прежней классификации — коммерческие, вузы. При этом была потеряна сердцевина факультета — его промышленное отделение, то, ради чего во многом и осуществлялись многочисленные организационные преобразования. Хозяйственные кадры с техническим и экономическим образованием ковались на этом этапе на крайне немногочисленных, если не сказать единичных, инженерно-экономических или промышленных факультетах возникших еще в коммерческой школе и только в 1930 г. обретших

²³ Весьма любопытен и красноречив тот факт, что эти учебные заведения должны были готовить промышленно-экономических инженеров. Вот только слово «инженер» призвано было, по мнению директора Иркутского промышленно-экономического института И.М. Камова, указать всего лишь на «высшую ступень» получаемой специалистами квалификации [39]. На практике промышленно-экономические институты в большинстве своем реализовали модель коммерческого образования.

статус специализированных (инженерно-экономических) институтов — Московского, Ленинградского и Харьковского. Экономические дисциплины были включены и в программы подготовки инженеров во вузах, контингент которых нередко формировался/мобилизовался из числа наиболее толковых студентов финансовых, учетных или торговых факультетов/отделений институтов [68, с. 93]. Однако создававшаяся учебными планами и тех и других смесь коммерческих и инженерных/технических дисциплин оставалась скорее «механической», нежели «химической», на содержание которой влияли и происхождение вузов, и их ведомственная принадлежность, и даже состав имеющихся в распоряжении преподавательских кадров. В любом случае образование это не было экономическим: классификатор профессий того же 1930 года хотя именовал специалиста экономистом-инженером, но относил эту профессию к группе инженерно-технических [43, с. 187].

В фактическом статусе коммерческого вуза (притом что административный его статус претерпел изменения в 1946 г., когда он был передан в ведение Министерства высшего образования СССР) Иркутский финансово-экономический институт (ИФЭИ) подошел к началу непосредственно интересующей нас третьей волны индустриальной модернизации. К ответу на вызовы последней, требующей технических познаний в области производственных процессов, вооруженные исключительно учетно-финансовым инструментарием экономисты-коммерсанты готовы не были. Исторический экскурс преследовал поэтому еще одну цель — указать на известную поверхностность (знакомство с основами политической экономии, коммерческой географии или истории), а также преимущественно инструментальный, диктуемый потребностями хозяйственной практики в обучении

определенным способам учета, приемам и организации торговли, ведению деловой переписки и т. п. характер коммерческого образования. В противоположность аддитивной, узкопрофессиональной его программе образование экономическое нацелено на достижение понимания «экономического», цельного осознания экономических проблем, что невозможно без обращения, во-первых, к наиболее фундаментальным экономическим отношениям, возникающим между людьми в ходе производственной деятельности, а во-вторых, к содержательным/материальным основаниям функционирования этих отношений — технико-технологическому базису последней.

Первый шаг на пути от коммерческого к экономическому образованию Иркутский финансово-экономический институт, на наш взгляд, сделал вскоре после войны. В 1947 г. наряду с подготовкой финансистов был открыт прием на планово-экономический факультет и начата подготовка сразу по трем специальностям: экономика промышленности, экономика сельского хозяйства и экономика торговли. И хотя первый набор был невелик — всего лишь три академические группы, он сделал «факультетообразующей», или, как бы сказали сегодня, выпускающей, с довоенных времен находившуюся на периферии образовательного процесса в вузе²⁴ скорее общеобразовательную, нежели

²⁴ Периферийность эта была обусловлена во многом тем, что вуз осуществлял подготовку прежде всего экономистов-финансистов по бюджету, сберегательному делу и государственному кредиту. Экономисты-финансисты же по финансированию и кредитованию отраслей народного хозяйства обучались лишь «с уклоном “по товарообороту”» [20, с. 102–103]. Следует заметить, что преодолению периферийности в немалой степени способствовали принятые накануне войны решения Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ), направленные на укрепление в вузах позиций курса отраслевой экономики, и прежде всего экономики промышленности. И хотя

специальную кафедру конкретных/отраслевых экономик. Благодаря кафедре и читаемым ею дисциплинам вуз преодолел грань, отделяющую «коммерческую» высшую школу от «экономической», а происходившие с ними — и с кафедрой, и с дисциплинами — метаморфозы станут наглядной иллюстрацией совершающихся в этом направлении изменений. Небезынтересна с указанной точки зрения и замысловатая интеллектуальная биография возглавившего ее еще в 1943 г. Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963).

Выпускник Экономического института Иргосуна 1930 г. по специальности «Экономика торговли», В.Н. Шерстобоев к 1940 г. обзавелся новой: заочно окончив Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, он стал специалистом в области экономики сельского хозяйства. В 1943 г. он не только перейдет на постоянную работу в ИФЭИ, но и защитит диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Основными курсами, которые Шерстобоев будет читать студентам, станут характеризующие технико-технологический базис сельскохозяйственного производства «Общее земледелие и расте-

в первую очередь документ адресовался руководству втузов, критиковавшемуся — наряду с главными управлениями учебными заведениями наркоматов — за недооценку «значения экономического образования инженеров», его действие распространялось на все народно-хозяйственные высшие учебные заведения. Приказ ВКВШ от 2 июля 1940 г. № 533 интересен во многих отношениях. Здесь помимо собственно внимания, проявленного к отраслевой экономике/экономике промышленности, отметим только важные с точки зрения последующего изложения, во-первых, критику попыток подменить этот курс рассмотрением общих вопросов развития какой-либо отрасли промышленности; во-вторых, рассмотрение преподавания курса конкретной экономики в тесной связи с изучением учета и финансов; в-третьих, указание на важность размежевания предметных областей экономики той или иной отрасли и организации производства в ней [21, с. 109–110].

ниеводство» и складывающиеся в прямой зависимости от него хозяйственные отношения «Экономика и организация сельскохозяйственных предприятий». Совсем не случайно именно В.Н. Шерстобоев станет первым в истории вуза доктором экономических наук, причем в качестве диссертации защитит в совете Института экономики АН СССР увидевший свет в 1949 г. первый том «Илимской пашни», посвященный аграрным порядкам Илимского воеводства XVII — начала XVIII в. [83]. Оппоненты и многочисленные рецензенты были единодушны во мнении, что глубокое проникновение в социально-экономическую природу строя пашенных крестьян на основе обращения к архивным источникам стало возможным исключительно благодаря профессиональным познаниям автора в области технологии аграрного производства²⁵.

Немногим более года спустя после создания нового факультета на повестку дня встанет вопрос об организации на основе кафедры отраслевых экономик трех самостоятельных учебно-научных подразделений. Совет института будет настаивать на том, что таковыми должны быть кафедры экономики сельского хозяйства, экономики промышленности, а также технологии и товароведения [34, с. 49]. Министерство не согласится с таким механическим, рвущим единую ткань экономических дисциплин разделом, и в результате с 1952 г. на факультете начнут функционировать три полноценные экономические кафедры — сельского хозяйства, социалистической промышленности и советской торговли. Впрочем, уже в 1958 г., после открытия в городе фи-

²⁵ Автор недвусмысленно укажет читателю на эту связь, назвав ключевую главу своей работы «Экономика и техника крестьянского хозяйства».

лиала Всесоюзного заочного института советской торговли, прекратится набор студентов по специализации последней из них, а первая — в силу начала подготовки экономистов для нужд сельского хозяйства профильным вузом — встретит этот момент пять лет спустя, в год смерти своего фактически бессменного руководителя, к тому времени выполнив, пожалуй, важнейшую задачу: в отличие от сосредоточившейся почти полностью на идеологической миссии политической экономии преподаваемыми курсами она не декларировала, но утверждала в сознании как выпускников, так и коллег по цеху содержательное видение экономики.

Курсы, посвященные экономике предприятия, будь то аграрное, промышленное или торговое, позволили «найти себя» в системе экономического образования (= обнаружить свое экономическое содержание) «конторским» дисциплинам образования коммерческого. Последние — и наглядным примером здесь послужит бухгалтерский учет — заняли нишу «вспомогательных» экономических дисциплин, изучающих предприятие с точки зрения оценки его хозяйственной деятельности. Показателен в этом отношении тот успех, которым пользовался выдержавший с 1947 по 1955 г. четыре издания (два из которых — во всесоюзном издательстве) и по меньшей мере на два десятилетия ставший базовым для студентов-экономистов страны²⁶ сборник задач по анализу хозяйственной деятельности промышлен-

²⁶ Впрочем, хроника вуза свидетельствует, что уже пяти тысячный тираж второго издания задачника, выпущенного за счет средств вуза Иркутским областным издательством, разошелся по заказам ведущих экономических вузов страны с ноября 1950 г. по февраль 1951 г. и оказался недостаточным, так как многие запросы остались невыполненными [34, с. 54]. Первое издание увидело свет в Иркутске в 1947 г. под заглавием «Материалы для практических занятий по анализу баланса и отчета промышленного предприятия».

ных предприятий заведующего кафедрой бухгалтерского учета и анализа ИФЭИ Ивана Георгиевича Старичкова (1898–1974). В предисловии к одному из изданий автор выражал уверенность в том, что «надлежащее осуществление системы аудиторных и домашних задач, предлагаемых в пособии, еще до выхода студентов на производственную практику обеспечит им глубокие знания приемов технико-экономического анализа хозяйственной деятельности промышленных предприятий» [71, с. 4]. Венец же усилий И.Г. Старичкова в указанном направлении — начало подготовки институтом с конца 1950-х гг. студентов по специальности «Бухгалтерский учет в промышленности»²⁷.

Статус «вспомогательной» экономической дисциплины, присвоенный нами бухгалтерскому учету/анализу, не должен скрывать «прикладную» его функцию по отношению к экономике предприятия/промышленности (производства) или преуменьшать его роль в деле становления последней в качестве самостоятельной дисциплины, области точного научного знания. Еще у довоенных специалистов в сфере экономии промышленности не вызывал сомнения факт возникновения последней, или «учения о хозяйстве

²⁷ Быть может, не столь ярко, но не менее убедительно обозначенный вектор иллюстрирует и экономическая статистика, некоторое время не просто развивавшаяся вместе с бухгалтерским учетом в рамках учета «социалистического», но и предоставлявшая для анализа приемы и процедуры расчета показателей функционирования предприятия. Достаточно упомянуть о факте утверждения в должности заведующего кафедрой в 1957 г. возглавлявшего ее на протяжении трех — во многом формативных и для кафедры, и для науки в целом — лет Леона Михайловича Сатуновского (1900 — ?). Автор довоенного «Курса промышленной статистики» (Харьков, 1940), он незадолго до своего назначения защитил кандидатскую диссертацию на тему «Индексный метод экономического анализа промышленного производства (применительно к промышленному предприятию)», что не могло не отразиться на направленности научных занятий и содержании учебных курсов уже самостоятельной кафедры статистики.

предприятия» (Betriebswirtschaftslehre), «в теснейшей связи с прикладными коммерческими науками... которые дали ей первые основания» [23, с. 5]. Современным же специалистам очевидна причина, по которой именно немецкая версия Business Economics (Business Administration) пришла ко двору в России (уточним, в Советской России, СССР): ее «акцент... на контроль и калькулирование и управление себестоимостью продукции в полной мере соответствовал комплексу мер по огосударствлению экономики и централизации управления предприятиями» [44, с. 146].

Риском отказать данной причине в звании главной, поставив на первое место ту самую «приземленную специфику» отечественного учета/анализа, против которой выступает цитируемый автор, признающий лишь финансовую модель фирмы/предприятия и, соответственно, методы анализа финансовых потоков и управления ими, не опирающиеся на знание производственных процессов, игнорирующие продукты предприятия и его технологии; методы, ассоциирующиеся у него с «американским» подходом, породившим в конечном итоге современный финансовый менеджмент/корпоративные финансы [там же, с. 145–146, 150]. Подход немецкой школы, не только перенесший акцент анализа на производственную деятельность предприятия, но и сделавший основным объектом управления ресурсы предприятия, издержки производства его продукции, предотвращал и методологический конфликт между экономикой предприятия и марксистской политической экономией с трудовой теорией стоимости, лежащей в ее основании. Экономика социалистического предприятия, выносившая за рамки своего рассмотрения проблемы ценообразования, формирования прибыли, определения рентабельности, могла сполна воспользоваться «теорией издержек» немецкой школы, направленной на решение

проблем внутрипроизводственной эффективности, т. е. не только сконцентрироваться на анализе использования производственных мощностей и материалов или организации и планировании труда и заработной платы, но и завершать курс обсуждением вопросов хозяйственного расчета предприятия, правда, все того же внутрипроизводственного — цехов, производственных участков, бригад.

Впрочем, «американский» подход также был воспринят отечественной высшей экономической школой, но не в лице учетно-финансовой школы, а в лице организаторского/менеджерского направления в экономике бизнеса/предприятия. В известном смысле это было неизбежно: чем больше экономика промышленности стремилась вникнуть в подробности и особенности жизни предприятия, чем больше она стремилась приблизиться к практике его хозяйственной деятельности, тем очевиднее и насущнее становилась задача изучения предприятия в строгом соответствии с его отраслевой принадлежностью. Вновь процитируем учебник по промышленной экономике 1930 г.: «Функциональная структура предприятий неразрывно связана с их функциональной работой, а эта последняя имеет свои корни в особых условиях каждой данной отрасли народного хозяйства» [23, с. 11]. И добавим: которые, в свою очередь, задаются технико-технологической составляющей производственных процессов в последней.

Наука и образование по-прежнему настойчиво искали возможность установления более тесного единства между инженерными/техническими и коммерческими/экономическими дисциплинами, на сей раз путем выделения наряду с технико- и социально-экономическими особой группы организационно-экономических отношений. Возглавивший в 1960 г. одну из первых в Иркутском финансово-экономическом институте «инженерно-экономиче-

ских» кафедр — экономики и организации строительства, Израиль Давидович Краснов (1907 — ?) писал в своей статье в «Восточно-Сибирской правде»: «Инженер-экономист — это по существу инженер — организатор производства, сочетающий глубокие знания технических и экономических наук. Производство много страдает от того, что мы часто выпускаем инженеров, слабо знающих экономику, а экономистов — слабо знающих технику производства. В жизни, в практической работе обе эти стороны производства неразрывны и тесно связаны между собой. Только тот инженер — организатор производства хорош, кто глубоко изучил обе стороны... дела» [46].

С 1953 г. Иркутский финансово-экономический институт начинает подготовку студентов (с пятилетним, в отличие от «плановиков» и «финансистов», сроком обучения) по специальностям «Экономика и организация строительства» и «Экономика и организация горной промышленности». Возникнет и новый, инженерно-экономический факультет, с первого года существования вырвавшийся в лидеры по числу набираемых на первый курс студентов. В течение последующего десятилетия в его состав вольются студенты, обучавшиеся по специальностям «Экономика и организация автомобильного транспорта» и «Экономика и организация машиностроительной промышленности», в результате чего он станет самым крупным в институте. По мере приближения студентов к изучению дисциплин специализации будут формироваться и специальные кафедры, методом проб и ошибок нащупывающие баланс между инженерной/технической и экономической составляющими в подготовке студентов, в одном случае разводя дисциплины по разным кафедрам (строительного дела и экономики и организации строительства), в другом — со-

бирая в рамках одной (экономики, организации и технологии машиностроительной промышленности).

Большой вклад в развитие инженерно-экономических специальностей в вузе внес ректор П.К. Соколов, занимавший эту должность в 1954–1958 гг. Первая подробная информация о нем появилась в интервью его внучки Елены Тихоновой в газете «Байкальские вести» [18].

К середине 1960-х гг. не столько количество перешло в качество (число обучающихся теперь уже на двух инженерно-экономических факультетах института хотя и незначительно, но было меньше количества числившихся на двух других), сколько изменилось само качество образования. Это очень точно подметил ректор вуза тех лет Вениамин Николаевич Должных (1910–1991) в своей статье, опубликованной в областной газете по горячим следам его переименования в марте 1965 г.: «Решением правительства Иркутский финансово-экономический институт переименован в Институт народного хозяйства. Этим актом юридически закреплено фактическое превращение отраслевого финансового института в экономический вуз широкого профиля. Прежнее название института уже много лет не соответствовало комплексному характеру всесибирского экономического института. ...Из 9 специальностей, по которым в последние годы ведется подготовка экономистов, чисто финансовой является всего одна специальность — финансы и кредит. Каждому ясно, что называть институт финансово-экономическим всего из-за одной такой специальности, игнорируя восемь других, было совершенно неоправданным. Теперь это несоответствие названия института его фактическому профилю устранено» [28].

Столь обширная цитата приведена нами единственно с целью привлечения внимания к некоторым ее положениям. Начать следует с того ее пассажа, где речь идет о юридическом закреплении фактически сложившегося статуса вуза, на который, думается, следует взглянуть под иным углом. Ведь на момент изменения названия вуз вот уже как без малого 20 лет не был отраслевым, находясь в подчинении сначала Министерства высшего образования СССР, а затем — высшего и среднего специального РСФСР. К этому следует добавить и тот факт, что вуз, будучи ли Сибирским или Иркутским, никогда не был только «финансовым» (при его возникновении предполагалось, что будет открыто три факультета), но на протяжении всех 35 лет — «финансово-экономическим». Вряд ли эпитеты «комплексный» или «широкопрофильный» способны сами по себе превратить «экономический» институт в «народно-хозяйственный» в том значении этого слова (выражающем содержательное видение экономического), что рефреном проходит по всей нашей работе²⁸. Значении, которое, очевидно, имел в виду и ректор института, не нашедший иных слов, чтобы его передать.

В этом отношении весьма любопытно обсуждение, проходившее в преддверии переименования и касавшееся, конечно же, не столько нового названия, сколько будущего учебного заведения, вектора его дальнейшего развития. На заседании партбюро ИФЭИ 5 января 1965 г. было сформулировано три позиции. Первая тянула в прошлое: сохранить исходный «финансовый» профиль института (и,

²⁸ Слово «хозяйство» угораздило угодить в «Толковый словарь языка Совдепии» и быть истолкованным как «экономика». С этим фактом если не примиряет, то позволяет отнестись к нему как к казусу («ибо не ведают, что творят») только присутствие в словаре еще одного значения этого слова — «все, что составляет производство» [49, с. 642].

соответственно, старое название), передав новые инженерно-экономические факультеты в политехнический институт. Вторая фиксировала настоящее: вузу надлежит быть инженерно-экономическим. Третья звала в будущее — к созданию института народного хозяйства. И хотя вопрос о переименовании вуза был вынесен на открытое партийное собрание (состоявшееся уже на следующий день), позицию руководства учебного заведения раскрывало название доклада ректора — «О преобразовании Иркутского финансово-экономического института в Сибирский инженерно-экономический институт и перспективы его развития» [34, с. 92]. Нам неизвестен ни ход обсуждения, ни принятые собранием решения, а потому можем лишь предположить, что окончательное слово осталось за государством, за его основанной на принципе политехнизма образовательной политикой, направленной на создание народно-хозяйственных, а не только инженерно-экономических вузов.

О целенаправленной и продуманной политике говорит хотя бы тот факт, что если на момент создания Иркутского института народного хозяйства в стране работало семь подобных вузов (и только три из них, включая иркутский, на территории РСФСР), то в 1977 г. их насчитывалось уже тринадцать [54, с. 622]. Показателен и тот факт, что руководство вуза претендовало на «всесибирский» территориальный масштаб научно-образовательной деятельности — от Урала до Тихого океана. Однако открытие нархозов в Свердловске (1967), Новосибирске (1968) и Хабаровске (1970) установило границы последней в пределах естественно-исторически сложившегося Байкальского макрорегиона (Байкальской Сибири). А это позволяет предположить, что вышеупомянутая образовательная политика вполне могла формироваться в тесной связи с реформой управления народным хозяйством,

осуществлявшейся в 1957–1965 гг. и предусматривавшей выделение экономических административных районов с созданием сети территориальных советов народного хозяйства (совнархозов), которые призваны были формировать социальный заказ высшей народно-хозяйственной школе экономического района.

Вопреки в целом критическому настрою исторической науки в отношении хрущевского десятилетия, можно с уверенностью сказать не просто о неких частных позитивных переменах в высшей экономической школе страны и региона в рассматриваемый период, а об обретении экономическим образованием нового качества и принципиально иной масштабности. Первым оно обязано утвердившемуся в науке и образовании содержательному/материалистическому пониманию «экономического», благодаря чему сложилась система дисциплин, ядром которой выступала «Экономика/организация предприятия/производства», а на периферии находились «вспомогательные» дисциплины, как правило обязанные последнему своим экономическим содержанием. Вторым — реинкарнации идеи многофакультетного — и теперь уже без кавычек и иронии полутехнического (или, точнее сказать, полуэкономического?) — института как новой организационной формы народно-хозяйственного учебного заведения. Данная форма организации образовательного процесса, практическим воплощением которой стали институты народного хозяйства, закрепила эту новую дисциплинарную конфигурацию...

Возвращаясь к исходной теме нашей работы, посвященной 110-летию экономического образования в Восточной Сибири, и опираясь на выявленные факты истории вопроса, можно сделать следующие выводы:

1. Байкальский государственный университет является преемником и продолжателем лучших традиций экономического образования в Восточной Сибири.

2. Байкальский государственный университет со дня своего основания позиционировался — и продолжает быть таковым — как опорный вуз мегарегиона.

3. Байкальский государственный университет, приобретший в 2015 г. статус классического университета, не утратил главного преимущества перед своим основным региональным конкурентом, а именно — практико-ориентированного характера развития, что выражается в основных направлениях его научной и образовательной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасенко И.Д. Страницы истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета / И.Д. Афанасенко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2016. — № 4 (100). — С. 7–28.

2. Б. Коммерческое образование в России / Б. // Иркутская жизнь. — 1916. — 7 сент. (№ 215).

3. Бернацкий М.В. Речь профессора Михаила Владимировича Бернацкого на обеде в день празднования 25-летия института [Электронный ресурс] / М.В. Бернацкий // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого : юбилейн. сб. 1902–1952 / под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. — [Париж] : Изд. Об-ния С.-Петерб. политехников, 1952. — С. 7–10. — Режим доступа: http://elibr.spbstu.ru/dl/2/ed-3025_0000356724bx.pdf.

4. Бессолицын А.А. Ведущие коммерческие вузы России и их руководители в начале XX века / А.А. Бессолицын // Экономическая история. — 2014. — № 2 (25). — С. 51–59.

5. Бессолицын А.А. Государство и становление системы коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв. / А.А. Бессолицын. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2014. — 226 с.

6. Бессолицын А.А. С. Витте и становление коммерческого образования в России / А.А. Бессолицын // Вопросы экономики. — 2006. — № 7. — С. 140–147.

7. Бессолицын А.А. С.Ю. Витте — инициатор и организатор коммерческого образования в России: институци-

ональное оформление / А.А. Бессолицын // Вопросы новой экономики. — 2015. — № 1 (33). — С. 91–97.

8. Бушмакин Н.Д. К четырехлетию Иргосуна / Н.Д. Бушмакин // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. — Иркутск : Первая гос. тип., 1922. — Вып. 1 : Медицинский факультет. — 1922. — С. 327–330.

9. Б-ч А. Голос рабочего об иркутском университете / А. Б-ч // Иркутская жизнь. — 1916. — 4 авг. (№ 190).

10. В Иргосуне // Власть труда. — 1921. — 18 сент.

11. В совете Иргосуна // Власть труда. — 1922. — 12 июля.

12. В. К. [Крутовский В.М.]. Вопрос об университете / В. К. [В.М. Крутовский] // Сибирские записки. — 1916. — № 4. — С. 113–128.

13. Витте С.Ю. Воспоминания / С.Ю. Витте. — М. : Соцэкгиз, 1960. — Т. 2 : (1894 — октябрь 1905). Царствование Николая II. — 640 с.

14. Витте С.Ю. Об учреждении Политехнического института в С.-Петербурге [Электронный ресурс] : [представление] от 23 нояб. 1900 г. № 31403 / С.Ю. Витте ; М-во финансов, Учреждения по части торговли и пром-сти. Отд. учеб. Отд-ние Стол 1. — СПб., 1900. — Режим доступа: http://elibr.spbstu.ru/dl/2/ed-12_100012_0000440648br.pdf.

15. Витте С.Ю. [Письмо министра финансов С.Ю. Витте государственному секретарю об организации Санкт-Петербургского политехнического института] от 4 мая 1901 г. № 5459 [Электронный ресурс] / С.Ю. Витте ; М-во финансов. Учреждения по части торговли и пром-сти. Отд. учеб. Стол 1. — СПб., 1901. — Режим доступа: http://elibr.spbstu.ru/dl/2/ed-13_100012_0000440700br.pdf.

16. Власть труда. — 1922. — 13 июля.

17. Власть труда. — 1922. — 5 авг.
18. Возглавит ли БГУ правнук ректора нархоза? [интервью с Е. Тихоновой] / беседовала А. Бородина // Байкальские вести. — 2017. — 22–28 мая. — С. 11.
19. Вокруг университета // Власть труда. — 1922. — 26 янв.
20. Высшая техническая школа СССР, 1934 г. — М., 1934.
21. Высшая школа: основные постановления, приказы и инструкции. — М., 1945.
22. Гаращенко Л.В. Иркутское городское коммерческое училище / Л.В. Гаращенко // Земля Иркутская. — 2013. — № 1 (43). — С. 44–51.
23. Гинзбург А.М. Очерки промышленной экономики / А.М. Гинзбург. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. — 344 с.
24. Гольдфарб С. Иркутский государственный университет: хроника событий: 1918–1998 / С. Гольдфарб, Н. Щербаков. — Иркутск : Агентство «КП-Байкал» : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. — 304 с.
25. Дмитриев А.Н. Переизобретение советского университета / А.Н. Дмитриев // Логос. — 2013. — № 1. — С. 41–64.
26. Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) [Электронный ресурс] / А.Н. Дмитриев // Университет и город в России в начале XX века / сост.: Т. Маурер, А. Дмитриев. — М. : Новое лит. обозрение, 2010. — С. 105–204. — Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2010/05/20/1217050408/Dmitriev_Univ_i_gorod.doc.
27. Довнар-Запольский М.В. Новый тип высшего образования / М.В. Довнар-Запольский // Обозрение препо-

давания в Киевском коммерческом институте на 1907/08 академический год. — Киев, 1907. — С. 21–40.

28. Должных В.Н. Экономический вуз широкого профиля / В.Н. Должных // Восточно-Сибирская правда. — 1965. — 10 апр.

29. Дурденевский В.Н. Лекции по праву социальной культуры [Электронный ресурс] / В.Н. Дурденевский. — М. ; Л. : Госиздат, 1929. — 327 с. — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10079412>.

30. Ельяшевич В.Б. Речь профессора В.Б. Ельяшевича на товарищеском обеде в день празднования 25-летия института в 1927 году [Электронный ресурс] / В.Б. Ельяшевич // С.-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого : юбилейн. сб. 1902–1952 / под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. — [Париж] : Изд. Об-ния С.-Петерб. политехников, 1952. — С. 17–25. — Режим доступа: http://elib.spbstu.ru/dl/2/ed-3025_0000356724bx.pdf.

31. Задачи и значение высшего образования (Тезисы для докладов на местах в порядке «Двухнедельника») // Власть труда. — 1923. — 23 марта.

32. Зицирман. Экономический институт без учебных помещений / Зицирман // Власть труда. — 1930. — 17 авг.

33. Иванов А.Е. Высшая школа Российской империи начала XX века / А.Е. Иванов // Вестник Российской академии наук. — 1997. — Т. 67, № 3. — С. 265–274.

34. Иркутская государственная экономическая академия (1930–2000) : хроника / сост. Н.Н. Быкова, Т.А. Яковлева, Е.В. Рощупкина. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 224 с.

35. К организации промышленно-экономического техникума // Власть труда. — 1922. — 27 мая.

36. К удовлетворению нужд университета // Власть труда. — 1923. — 8 июня.

37. Казарин В.Н. Высшая школа Восточной Сибири в 1945–1960 годах: основные тенденции и региональные особенности / В.Н. Казарин // Проблемы истории науки и образования в Восточной Сибири: век XX / под ред. А.И. Смирнова. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. — С. 65–99.

38. Казарин В.Н. О забытом споре городов, или Почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири / В.Н. Казарин // Иркутский историко-экономический ежегодник, 2012. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — С. 48–64.

39. Камов И.М. Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири / И.М. Камов // Власть труда. — 1921. — 16 окт.

40. Камов И.М. К открытию университета в г. Иркутске. Директор коммерческого училища / И.М. Камов // Иркутская жизнь. — 1916. — 24 июня (№ 182).

41. Карпачев М.Д. Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) / М.Д. Карпачев // Новое прошлое. — 2016. — № 2. — С. 121–136.

42. Катцина Т.А. Становление профессионального коммерческого образования в Сибири (1900–1919 гг.) / Т.А. Катцина, Л.Е. Мариненко, С.А. Лисина // Высшее образование в России. — 2014. — № 1. — С. 144–151.

43. Классификация профессий / стат. отд. Нар. комиссариата труда СССР. — 4-е изд. — М., 1930.

44. Ковалев В.В. Из истории развития анализа в России, или Что такое «экономический анализ»? / В.В. Ковалев // Финансы и бизнес. — 2013. — № 1. — С. 139–154.

45. Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) / А.С. Конохова // Вестник Ленинградско-

го государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2015. — Т. 4, № 1. — С. 126–134.

46. Краснов И. Дипломное проектирование — на службу производству / И. Краснов // Восточно-Сибирская правда. — 1963. — 2 февр.

47. Луцкий С. Экфак перестраивается / С. Луцкий // Власть труда. — 1930. — 1 марта.

48. Майдачевский Д.Я. Их путь в изгнание лежал через Иркутск: к истории русской научной эмиграции в Харбине / Д.Я. Майдачевский // Восток и Россия: взгляд из Сибири : материалы регион. науч.-практ. конф., 16–18 мая 1996 г. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. — С. 388–391.

49. Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

50. Н. Из жизни Педфака / Н. // Власть труда. — 1923. — 15 июля.

51. Народное просвещение. В коллегии ГубОНО // Власть труда. — 1922. — 21 апр.

52. О судьбе Иркутского государственного университета // Власть труда. — 1922. — 14 апр.

53. Об исполнении решений июльского (1928) пленума ЦК о подготовке технических кадров : резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 16 нояб. 1929 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А.Я. Подземский ; под ред. И.Д. Давыдова, И.Г. Клабуновского. — 3-е изд., пересм. и доп. — М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. — С. 146–153.

54. Орешкин В.В. Экономические институты / В.В. Орешкин // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — Т. 29. — М. : Сов. энцикл., 1978. — 640 с.

55. Открытие Сибирского финансово-экономического института // Восточно-Сибирская правда. — 1930. — 10 нояб.

56. Пескин А. 2 ½ года жизни и борьбы за существование Политехникума / А. Пескин // Власть труда. — 1923. — 3 апр.

57. Пленум Иркутского губисполкома // Власть труда. — 1923. — 15 мая.

58. Положение Иргосуна укрепилось // Власть труда. — 1924. — 30 марта.

59. Помочь ударной группе Экфаковцев // Власть труда. — 1930. — 1 марта.

60. Проект общего нормального плана промышленного образования в России / сост. Особым отд. Учен. ком. М-ва нар. просвещения по техн. и проф. образованию. — СПб., 1887. — VI, 76 с.

61. Пыжиков А.В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) / А.В. Пыжиков // Вопросы истории. — 2004. — № 9. — С. 95–104.

62. Разманова Н.А. Становление коммерческого и финансово-экономического образования в России (XIX — 20-е годы XX века) / Н.А. Разманова. — М. : Изд-во Моск. с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева, 2002. — 331 с.

63. Ржанов Г. Победа университета / Г. Ржанов // Власть труда. — 1922. — 15 июля.

64. Рослый И. Вместо хозправфака — экономический факультет / И. Рослый // Власть труда. — 1930. — 2 февр.

65. Русаков Г. К организации Иркутского гос. университета / Г. Русаков // Восточно-Сибирская правда. — 1931. — 28 авг.

66. Русаков Г.К. Год работы Восточносибирского госуниверситета / Г.К. Русаков // Труды Восточно-Сибирского государственного университета. — М. ; Иркутск : ОГИЗ, 1932. — Вып. 1. — С. 5–15.

67. Русаков Г. Наш университет / Г. Русаков // Будущая Сибирь. — 1933. — № 1. — С. 89–92.

68. Сонич Г.Ф. Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк) / Г.Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. — 288 с.

69. Сонич Г.Ф. Чудновский Феликс Иосифович // Иркутская государственная экономическая академия: история в лицах : справ.-биогр. изд. / Г.Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — С. 13–16.

70. Справочник по Иркутску и Иркутскому округу на 1930 год / сост. и изд. Иркут. дет. комис. — Иркутск : Окр. дет. комис., 1930. — 315 с.

71. Старичков И.Г. Задачник для практических занятий по анализу хозяйственной деятельности промышленных предприятий : в 2 ч. / И.Г. Старичков. — 2-е изд., доп. и перераб. — Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1950. — Ч. 1. — 71 с.

72. Суходолов А.П. Высшая школа региона: «храм науки» против «фабрик кадров» (1920–1930-е годы) / А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26, № 4. — С. 525–533 ; № 5. — С. 693–704.

73. Суходолов А.П. «Прагматический поворот» траектории развития высшей школы: уроки истории / А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 2. — С. 167–174.

74. Суходолов А.П. Экономическое образование России и региона: ответ на модернизационные вызовы середины XX века / А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 1. — С. 5–10 ; № 2. — С. 123–130.

75. Тисье М. Высококатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в. / М. Тисье // Науки о человеке: исто-

рия дисциплин / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. — М. : Высш. шк. экономики, 2015. — С. 207–239.

76. Торжественный акт Иркутского государственного университета (по поводу трехлетия его существования) // Власть труда. — 1921. — 29 окт.

77. Фортунатов А.Ф. О высшем коммерческом образовании // По вопросам научной школы / А.Ф. Фортунатов. — М. : Изд. Кружка обществ. агрономии при Моск. с.-х. ин-те (Петр. акад.), 1916. — С. 23–34.

78. Хозсправфак реорганизуется // Власть труда. — 1930. — 17 янв.

79. Чердж Х. Собираются готовить всезнающих незнаек / Х. Чердж // Восточно-Сибирская правда. — 1930. — 30 авг.

80. Черепяхин Б. Факультет права и местного хозяйства / Б. Черепяхин // Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. — Иркутск : Изд. Юбил. комис., 1928. — С. 55–67.

81. Чернецов М.Б. Становление и развитие экономического образования в высшей школе России XIX — начала XX века : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М.Б. Чернецов. — Пенза, 2006. — 24 с.

82. Чудновский Ф. Кузница кадров финансистов / Ф. Чудновский // Власть труда. — 1930. — 5 июня.

83. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня / В.Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1949. — Т. 1 : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — 596 с.

84. Ширяев Ф. Университет в Иркутске (историческая справка) / Ф. Ширяев // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1915. — Т. 44. — С. 239–266.

Научное издание

**СУХОДОЛОВ Александр Петрович
МАЙДАЧЕВСКИЙ Дмитрий Ярославович**

**«ХРАМ НАУКИ»
ИЛИ «ФАБРИКА КАДРОВ»:
К ИСТОРИЧЕСКИМ ПРЕДПОСЫЛКАМ
ДИСКУССИИ
ОБ ОПОРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
А.С. Ларионовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 04.07.17. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 8,6. Тираж 500 экз. Заказ 6563.

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУ.

**Александр Петрович
СУХОДОЛОВ**

ректор
Байкальского госуниверситета,
Заслуженный экономист
Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор

**Дмитрий Ярославович
МАЙДАЧЕВСКИЙ**

доцент
кафедры истории
и международных отношений
Байкальского государственного
университета,
кандидат экономических наук

ISBN 978-5-7253-2955-1

9 785725 329551